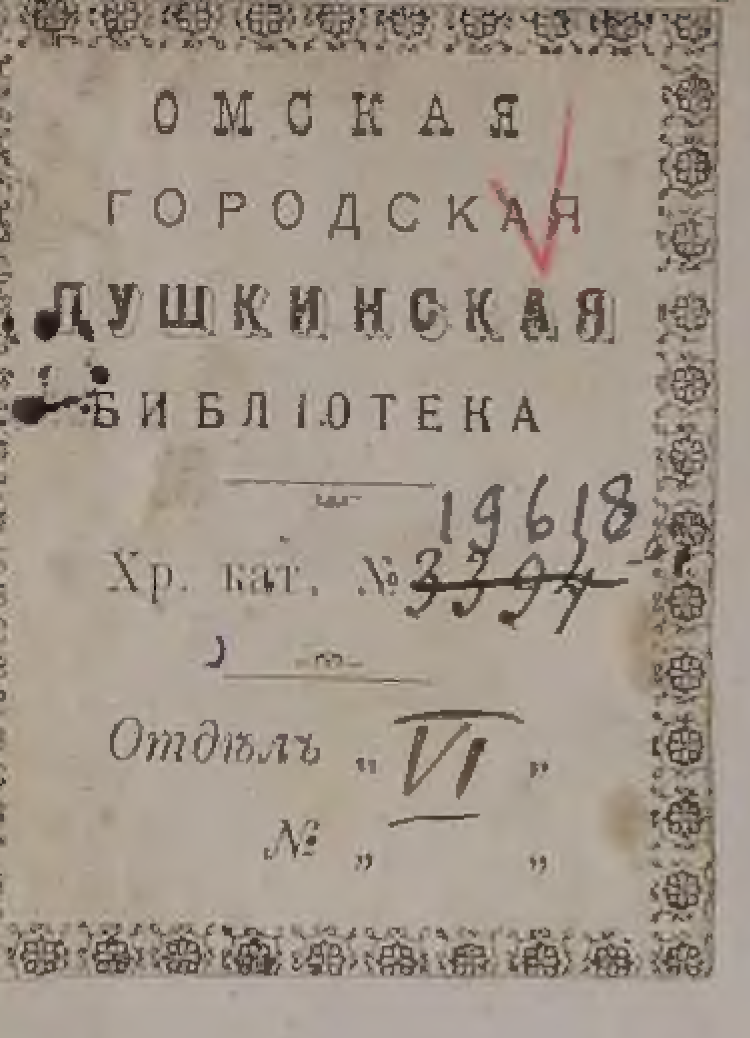
Довнар —
страница
из истории

1906

Современная Библіотека.

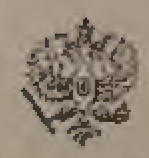
Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ КРѢПОСТНОГО ПРАВА

въ XVIII—XIX вв.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. Москва, 3 августа 1905 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1906.

Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв.

I.

Въ половинѣ XVIII в. крѣпостное право въ областяхъ Рѣчи Посполитой Польской достигло столь широкаго развитія, что стало вызывать оппозицію среди болѣе образованной части общества. Юристы того времени опредѣляютъ крѣпостное право такими чертами, которыя почти не отдѣляютъ крѣпостного отъ раба. Такъ, одинъ изъ правовѣдовъ опредѣляетъ состояніе крѣпостныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) подданные не только сами, но и съ потомствомъ принадлежатъ владѣльцу; послѣдніе имѣютъ право ихъ продать, подарить или переселить въ другое мѣсто; 2) бѣглаго подданнаго владѣлецъ имѣетъ право разыскивать; 3) подданные не могутъ вести безъ своего пана ни гражданскихъ ни уголовныхъ дѣлъ, и 4) крестьянинъ не имѣетъ собственности и ничего не можетъ завѣщать изъ имущества, которымъ онъ пользуется [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что крестьяне не могутъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія своего господина. Вообще шляхтичъ въ своемъ имѣніи былъ абсолютнымъ монархомъ [2]). Само собой разумѣется, что право суда и наказанія до смертной казни включительно принадлежало помѣщикамъ. Правда, что послѣд-

---

[1]) Prawo civilne albo szczególne narodu Polskiego etc. ułożone przez X. T. Ostrowskiego. T. I, Варш., 1784 г., p. 42—45.

[2]) Tadeusz Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski. T. I, p. 365.

нее право, т.-е. право смертной казни, не опиралось на опредѣленные законы страны, и даже Литовскій Статутъ опредѣляетъ наказаніе шляхтичу за убійство крестьянина. Однако, фактически шляхта повсемѣстно пользовалась и правомъ смертной казни, толкуя по-своему одно постановленіе сейма 1573 года [1]). Только закономъ 1768 г. это право было отмѣнено [2]).

Не удивительно поэтому, что положеніе крестьянъ, какъ его рисуютъ современники, было очень тяжелое. «Они,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—мало отличаются отъ скота, не имѣютъ никакой собственности, живутъ со дня на день, гніютъ въ грязи и бѣдности; благодаря недостатку въ свѣтѣ и жизненныхъ припасахъ гибнетъ половина ихъ потомства, которое увеличило бы населеніе, да и сами они погибаютъ отъ голоду, когда случится неурожайный годъ. Нужно сознаться, что какая бы судьба ни постигла Польшу, ихъ положеніе не можетъ ухудшиться».

Произволъ и насиліе, проистекающіе изъ одной природной жестокости, были рѣдки, по справедливому замѣчанію одного историка [3]). Но это обстоятельство мало смягчаетъ почти повсемѣстную практику, ведшую къ отягощенію крестьянъ барщиной и податями; къ этому надо прибавить и способы взиманія податей и способы понужденія къ работѣ. Встрѣчаются имѣнія въ самой Польшѣ, въ которыхъ за полуволоку лучшей земли тре-

[1]) Ст. 4 Варш. генер. конфедераціи 1573 г. подтверждала обязанность подданныхъ повиноваться своимъ господамъ, „какъ и прежде". Но если бы они выказали непослушаніе подъ предлогомъ религіи, то можно наказать ихъ по усмотрѣнію владѣльца. Неясность текста заключается въ словахъ tam in spirtualibus, quam in secularibus, т.-е. можно разумѣть bonis или rebus и можно толковать о наказаніи за проступки въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи. Въ 1573 г., конечно, имѣли въ виду первый смыслъ.

[2]) Korzon, p. 368; Мякотинъ, Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, p. 54.

[3]) Мякотинъ, p. 67.

бовалась барщина по 4, 5 и 6 дней въ недѣлю съ шестеркою воловъ или съ четверкой лошадей, не говоря уже о различныхъ податяхъ и повинностяхъ [1]).

Въ литовско-русскихъ областяхъ положеніе крестьянства не было лучше, чѣмъ въ коронныхъ земляхъ. По словамъ одного современника, здѣсь барщина въ 3—6 дней съ панскою запряжкою была обычной. Кромѣ барщины, требовались еще такъ называемые гвалты, т.-е. помочи, требовавшіеся отъ 6 до 12 разъ въ годъ; на гвалты выходило все рабочее населеніе двора. Сверхъ барщины повсемѣстно требовалась еще сторожевая повинность и многія другія. Само собой разумѣется, что подати и подачки взимались съ крестьянъ своимъ чередомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже взималась плата за пастьбу скота. Разумѣется, самой тяжелой повинностью была барщина: обыкновенной нормой рабочаго дня считалось 8 часовъ въ зимнемъ днѣ и 12 часовъ въ лѣтнемъ. Но во многихъ случаяхъ крестьяне работали по 12 час. въ день зимой и по 19 часовъ лѣтомъ. Эти свѣдѣнія, сообщаемыя анонимнымъ авторомъ современной брошюры «Nie wszyscy błądzą», вовсе не являются преувеличеніемъ. Эти показанія можно провѣрить по инвентарямъ помѣщичьихъ имѣній. Конечно, въ этихъ инвентаряхъ не будетъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей.

Оказывается, что, дѣйствительно, барщина по 3—4 дня съ полуволоки земли (9 дес.) была довольно обычнымъ явленіемъ. Къ этому надо присоединить сторожевую повинность, подводную, гвалты, толоки и разныя другія повинности. Что касается податей, то онѣ отличаются большимъ разнообразіемъ [2]).

[1]) Мякотинъ, 67.

[2]) Для подтвержденія сказаннаго приведемъ нѣсколько данныхъ изъ инвентарей частновладѣльческихъ имѣній XVIII вѣка.

Такъ, по инвентарю 1758 года, имѣнія Зерченичи, принадлежавшаго Іосифу Селявѣ, съ полуволоки тяглой земли (т.-е. такой, съ которой шла барщина, пригонъ) полагалось барщины

Такимъ образомъ, отзывы современниковъ о тяжеломъ положенiи литовско-русскаго крестьянства въ XVIII вѣкѣ не преувеличены, такъ какъ инвентари представляютъ собою точныя данныя.

Не удивительно, что писателей того времени поражало въ польско-литовскомъ крестьянинѣ его крайне забитое состоянiе. Едва ли не самыя горячiя страницы, посвященныя крестьянству, мы встрѣчаемъ у извѣстнѣйшаго писателя XVIII вѣка знаменитаго ксендза Сташица: «Пять частей польскаго народа стоитъ предъ моими глазами. Я вижу миллiоны существъ, изъ которыхъ одни ходятъ полунагiя, другiя прикрыты шкурой или грубой сермягой; всѣ они высохшiе, захудалые, обросшiе волосами, закоптѣлые; глаза у нихъ глубоко запали, грудь безустанно работаетъ. Грустные, оглупѣвшiе и глупые, они мало чувствуютъ и мало думаютъ; впрочемъ, это ихъ величайшее счастiе. Съ трудомъ можно открыть въ нихъ разумную душу. Съ перваго взгляда ихъ наруж-

---

2 мужскихъ и 2 женскихъ дня въ недѣлю, молотьба и сторожа по очереди, 12 гвалтовъ и 6 подводъ въ Ригу; изъ податей и подачекъ: подымнаго 4 злотыхъ, куръ—вдвое, льну—15 ручекъ, грибовъ—одинъ вѣнокъ, орѣховъ—одинъ гарнецъ, ягодъ—одинъ гарнецъ, яицъ—десять (Историко-юридическiе матерiалы, извлеченные изъ Витебскаго архива, т. 27, 325).

По инвентарю имѣнiя Кеминъ, Оршанскаго повѣта, принадлежавшаго панамъ Лускинымъ, 1761 года различались тяглыя и куничныя волоки. Здѣсь съ цѣлой тяглой волоки требовалось только 4 дня пригону, т.-е. барщины (2 мужскихъ и 2 женскихъ дня). Но, сверхъ того, крестьяне обязаны исполнять и другiя ординарныя услуги согласно обычаямъ. Къ числу повинностей также отнесены подорожчина съ письмами (т.-е. развозка писемъ), куда пошлютъ, сторожа дворная, мужская и женская, молотьба по очереди, мытье полотенъ и овецъ, бѣленiе полотенъ и овецъ, бѣленiе полотенъ, собиранiе огородныхъ овощей; всѣ эти повинности требуются сверхъ барщины, которая сама по себѣ не мала сравнительно съ другими. Но, сверхъ этихъ разнообразныхъ повинностей, въ этомъ имѣнiи тяглые крестьяне платили весьма большiя подати, а именно: чиншу—9 злотыхъ, подымнаго—1 злотъ 15 грошей, кромѣ того, бочку жита, бочку овса и обычныя мелочи, какъ гуси, куры, яйца и прочее. Въ томъ же имѣнiи были и куничники, т.-е. оброчные крестьяне, которые платили съ волоки 40 злотыхъ чиншу и 1 злотъ 15 гро-

ность скорѣе похожа на звѣря, чѣмъ на человѣка. Хлопъ является самымъ позорнымъ названіемъ. Пищей имъ служитъ хлѣбъ съ мякиной, а черезъ четверть года (послѣ сбора)—хлѣбные суррогаты; напиткомъ для нихъ служитъ вода и обжигающая внутренности водка. Жилищами имъ служатъ ямы или шалаши, немного возвышающіеся надъ землей. Солнце туда не проникаетъ. Они наполнены смрадомъ и тѣмъ благодѣтельнымъ дымомъ, который, очевидно, убавляетъ имъ свѣта для того, чтобы они меньше видѣли свою не-долю, чтобы они меньше страдали,—онъ днемъ и ночью душитъ ихъ, сокращая ихъ несчастную жизнь, особенно убивая малютокъ. Въ этой смрадной и дымной темницѣ на гнилой подстилкѣ отдыхаетъ хозяинъ, утомленный дневной работой; рядомъ съ нимъ спитъ малая нагая дѣтвора на томъ же самомъ ложѣ, на которомъ стоитъ корова съ теленкомъ и

шей подымнаго, исполняя при этомъ многія мелкія послуги (ibidem, т. 19, p. 150—162).

Въ имѣніи Ботвиновкѣ, Новогрудскаго уѣзда, принадлежавшаго Антону Жуковскому, съ полуволоки земли полагалось 4 дня пригону, 5 злотыхъ чиншу и, сверхъ того, собирались разные мелкіе сборы.

Въ имѣніи Русиновѣ съ полуволоки полагалось пригону тоже 3—4 дня, сверхъ того, 12 гвалтовъ и 2 урока (на урокъ выходили по одному рабочему изъ избы). Разумѣется, взималась плата за чиншъ, подымное, подорожчина и прочее (ibidem, т. 19, p. 165).

Иногда бывали и болѣе сложныя повинности и сборы. Такъ, въ имѣніи Вымно, Витебскаго уѣзда, принадлежавшемъ Лукомскому (по инвентарю 1722 г.), въ числѣ повинностей была и такая, что одинъ человѣкъ изъ каждой хаты долженъ былъ являться въ воскресные и праздничные дни въ церковь на богослуженіе; съ волоки тяглой земли здѣсь требовалось 4 дня барщины, нѣсколько сгоновъ, возка лѣса, сторожа, молотьба, гвалты на починку гребли и проч. При этомъ чиншъ былъ великъ—20 злотыхъ и, сверхъ того, требовалось съ волоки 5 бѣлокъ, 20 лубовъ, одну копу драницъ, кромѣ куръ, яицъ и проч. (ibidem, т. 27, № 19).

Въ одномъ имѣніи Любчановѣ, принадлежавшемъ витебской іезуитской коллегіи, крестьяне были освобождены отъ барщины, но зато они платили 5 злотыхъ чиншу, 5-й снопъ всякаго хлѣба и массу мелкихъ сборовъ и повинностей (ibidem, № 10).

лежитъ семья съ поросятами... Добрые поляки! Вотъ роскошная жизнь той части народа, отъ которой зависитъ судьба вашей Рѣчи Посполитой! Вотъ человѣкъ, который васъ кормитъ! Вотъ положеніе крестьянина въ Польшѣ» [1]).

Въ этихъ словахъ блестящаго публициста, безспорно, много правды. Но историкъ, присматриваясь къ интересующему насъ явленію, долженъ замѣтить, что и среди этого моря страданій были оазисы улучшенной крестьянской доли,—улучшенной, конечно, относительно. Прежде всего крѣпостной строй Рѣчи Посполитой не зналъ одного явленія, столь распространеннаго въ сосѣдней Россіи—оброчныхъ крестьянъ, отпускаемыхъ въ города на заработки подъ условіемъ платежа оброка. Такой видъ пользованія трудомъ крѣпостного трудно отличимъ отъ рабовладѣнія въ собственномъ смыслѣ. Литовско-русскій и польскій крестьянинъ былъ крѣпче къ землѣ, чѣмъ его великорусскій собратъ. Въ этомъ же смыслѣ надо отмѣтить и ту особенность западно-русскаго крестьянства, что оно не знало класса дворовыхъ въ собственномъ смыслѣ. Губернскіе редакціонные комитеты западныхъ губерній всѣ оттѣнили тотъ фактъ, что понятіе дворового человѣка не приложимо къ мѣстнымъ условіямъ. Дворовые здѣсь не брались на всю жизнь во дворъ помѣщика, такимъ образомъ не разрывали связей съ семьею [2]). Указанныя двѣ особенности западно-русскаго крестьянства сложились такимъ образомъ. Крестьянство не тяготѣло къ городамъ, потому что не могло конкурировать съ бойкимъ мѣщанствомъ. Поэтому для развитія оброчной системы не было подходящей почвы. Съ другой стороны служба помѣщичьяго двора слагалась изъ двухъ элементовъ: приказчичьяго и чернорабочаго. Служба перваго рода даже у среднихъ помѣщиковъ выполнялась

---

[1]) Przestrogi bla Polski, изд. 1790 г., p. 210—212.

[2]) Матеріалы по исторіи упраздненія крѣп. права въ Россіи.

мелкой шляхтой, которой въ краѣ было очень много. Чернорабочій элементъ долгое время пополнялся изъ невольной челяди, т.-е. рабовъ въ собственномъ смыслѣ, а съ исчезновеніемъ ея (въ XVII вѣкѣ) замѣненъ во дворахъ паробками, которые временно брались изъ среды крѣпостныхъ, иногда же и свободными наемными рабочими.

Итакъ, польско-литовскій крестьянинъ не отрывался навсегда отъ земли и семьи, подобно своему великорусскому собрату.

Затѣмъ необходимо отмѣтить, что до самаго присоединенія западно-русскихъ земель къ Россіи здѣсь сохранился, повидимому, довольно численный классъ свободныхъ землевладѣльцевъ, такъ называемыхъ вольныхъ похожихъ людей. Подъ Вильной, напримѣръ, у рѣдкаго помѣщика были крѣпостные крестьяне, но большею частью люди вольные, перехожіе, долго не засиживающіеся у одного и того же владѣльца [1]). Вообще званіе свободныхъ людей, признаваемое законами и обычаями, очень оригинальнымъ образомъ иногда сохранялось въ рядахъ крестьянства: напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ еще встрѣчаемъ званіе свободнаго человѣка «старцева сына»: старцами въ XVI вѣкѣ назывались представители волостей, замѣненные потомъ войтами и исчезнувшіе изъ состава сельской администраціи: тѣмъ не менѣе, потомство такого старца дорожитъ грамотками, опредѣляющими его генеалогію, какъ свободнаго земледѣльца. Сохранившійся разрядъ вольныхъ похожихъ людей былъ вѣроятною причиною того явленія, что въ XVIII в. толпы великорусскихъ крестьянъ перебѣгали въ предѣлы Рѣчи Посполитой [2]).

Рядомъ съ вольнымъ перехожимъ крестьянствомъ до конца XVIII вѣка сохранился и еще другой разрядъ сво-

---

[1]) Lubomirski: Rolnicza ludność w Polsce, p. 62, прим.
[2]) Ibidem, p. 62, прим.

боднаго крестьянства, это -путное боярство. Основною повинностью этого разряда въ болѣе древнее время была служба по развозкѣ писемъ: они употреблялись также и въ военной службѣ въ качествѣ военно-служилыхъ людей. Привилегированное положеніе путныхъ бояръ давало имъ возможность пользоваться большими надѣлами, нести меньшія повинности, наконецъ, пользоваться правами собственности на имущество подъ контролемъ, однако, помѣщика.

Наконецъ, надо еще отмѣтить одну особенность въ крѣпостномъ строѣ Рѣчи Посполитой. Помѣщикъ не только фактически, какъ въ Великороссіи, но и юридически былъ монархомъ въ своей мастности. Онъ издавалъ законы, на основаніи которыхъ его подданные могли пользоваться всѣми гражданскими правами, которыхъ лишалъ ихъ законъ государственный. Отчасти, впрочемъ, гражданскія права крѣпостныхъ держались въ силу обычая [1]).

Вообще изученіе актовъ крупныхъ помѣщичьихъ экономій можетъ дать въ этомъ отношеніи любопытный матеріалъ и освѣтить интереснѣйшія стороны въ исторіи крѣпостного права. Мы нѣсколько остановимся на этомъ вопросѣ, благодаря тому, что въ нашемъ распоряженіи находятся акты крестьянскихъ сдѣлокъ имѣнія Цегневичей, принадлежавшаго Радзивиламъ и бывшаго съ конца XVIII вѣка въ арендѣ у Хребтовичей, и имѣнія Щоресъ, принадлежавшаго послѣднимъ. Обѣ крупныя мастности— маленькія государства. Здѣсь крестьяне и бояре пользовались всѣми гражданскими правами. Обыкновенно сдѣлки совершаются на господскомъ дворѣ въ присутствіи приказчиковъ: но ни изъ чего не видно, чтобы отъ двороваго управленія зависѣло разрѣшеніе сдѣлокъ: очевидно, панскій дворъ имѣетъ значеніе присутственнаго мѣста, уряда,

[1]) Ibidem, прим.

предъ которымъ заключаются акты. Дворъ, конечно, долженъ былъ имѣть свѣдѣнія о заключенныхъ сдѣлкахъ для раскладки податей и повинностей. Такъ, Тимохъ Хлѣбовичъ въ присутствіи «добрыхъ людей —свидѣтелей» раздѣлился со своимъ старшимъ сыномъ Яномъ, выдѣливъ ему надѣлъ земли и часть движимости. Изъ раздѣльнаго акта видно, что Янъ пытался было получить часть хлѣба, купленнаго старшимъ братомъ уже послѣ раздѣла, и обращался къ пану. Однако, актъ скрѣпленъ только свидѣтелями. На немъ встрѣчаемъ и любопытную урядовую приписку, дающую понятіе о цѣли представленія панскому двору крестьянскихъ актовъ: «1 іюля 1783 г. совершался раздѣлъ между вышеупомянутыми особами при названныхъ же свидѣтеляхъ; этотъ актъ на дворѣ Пегневицкомъ утвержденъ для свѣдѣнія и доказательства на будущее время и для экономическихъ распоряженій». Такъ гласитъ приписка помѣщичьяго приказчика. Трое родныхъ братьевъ Першоковичей явились во дворъ и объявили свой «добровольный раздѣлъ». Господскій приказчикъ записалъ раздѣлъ съ припискою, что всѣ панскія повинности раздѣлившіеся теперь обязаны отбывать каждый за себя.

И все. Итакъ, мы видимъ, что въ крестьянской средѣ совершаются раздѣлы имуществъ какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Продажныхъ актовъ и залоговыхъ очень много среди разбираемыхъ документовъ. Крестьяне вездѣ называютъ свою землю «вѣчною собственностью». Такъ, подданная Радзивилловскаго с. Остафьева Юста Васильева продаетъ свой наслѣдственный участокъ, доставшійся ей отъ отца, Алексѣю Гайку, «на вѣчныя времена». Продавщица и свидѣтели скрѣпляютъ актъ собственноручными крестиками. Двое подданныхъ, братья Амельяновичи, имѣя нужду въ деньгахъ, продаютъ свою собственную сѣножать «другимъ двумъ своимъ роднымъ братьямъ на вѣчность». Продавцы всегда заявляютъ

въ актахъ продажу отъ своего имени и отъ имени женъ и дѣтей своихъ и продажный актъ совершается въ пользу покупателя, его жены, дѣтей и потомства. Купчія содержатъ формулу, опредѣляющую права новаго владѣльца—владѣть на вѣчныя времена, право отдавать его, дарить кому угодно, мѣнять и «вообще распоряжаться, какъ своею собственностью». Нарушеніе права владѣнія со стороны наслѣдниковъ или родственниковъ продавца обезпечивается назначеніемъ «вины», т.-е. штрафа въ пользу покупателя и панскаго двора за нарушеніе владѣнія и за вчиненіе о немъ иска.

Все это обычныя формы актовыхъ сдѣлокъ, какъ онѣ заключались между всѣми свободными людьми государства. Рядомъ съ купчими крѣпостями встрѣчаемъ много и залоговыхъ актовъ. Въ своемъ правѣ отдавать въ залогъ землю крестьяне не сомнѣваются: эти акты обыкновенно заключаются безъ всякихъ помѣхъ со стороны дворовыхъ властей. Закладные оговариваютъ только права, вытекающія изъ обычныхъ семейно-правовыхъ воззрѣній, бытующихъ въ крестьянской средѣ. Яковъ Панфиловичъ, нуждаясь въ деньгахъ, закладываетъ свой собственный участокъ земли, обсудивъ это дѣло предварительно со своими братьями. На основаніи соглашенія съ братьями, Яковъ ставитъ условіемъ, что заложенная земля можетъ быть выкуплена только имъ самимъ или его дѣтьми, но не братьями. Очевидно, существуетъ право семейнаго выкупа и закладывающіе въ данномъ случаѣ устраняютъ это право. Въ другихъ случаяхъ не случается подобныхъ оговорокъ; иногда лишь вводится условіе, по которому залогоприниматель обязывается платить чиншъ съ состоящей въ его пользованіи земли.

Итакъ, мы наблюдаемъ въ крестьянской средѣ данной мѣстности свободное распоряженіе землею и движимымъ имуществомъ. Слѣдуетъ добавить, что семейно-обычное право ничѣмъ не стѣснено. Только что были приведены

факты семейныхъ раздѣловъ. Подданные Дмитрь и Крестина Бухапы совершаютъ дарственную запись на свой участокъ земли въ пользу своей дочери Наталіи и ея мужа, отдаляя отъ этого имущества всѣхъ своихъ родственниковъ. Супруги Ларскіе, не будучи въ состояніи сами вести своего хозяйства, принимаютъ въ свой домъ зятя примака, записываютъ ему и своей дочери землю, строенія, скотъ «на вѣчныя времена». Крестьянинъ, далѣе, распоряжается своимъ имуществомъ по завѣщанію. Такъ, Параска Мелашкова, имѣющая свой «вѣчистый участокъ пашни и огорода», на смертномъ одрѣ завѣщаетъ это свое имущество «на вѣчность» въ полную собственность, съ отдаленіемъ всѣхъ родныхъ подъ угрозою платежа штрафа на дворъ, своей братовой (т.-е. женѣ брата), пріютившей завѣщательницу въ ея старческіе годы.

Этими бѣглыми указаніями исчерпываются всѣ важнѣйшіе случаи распоряженія имуществомъ. Пришлось остановиться на этихъ фактахъ, какъ совершенно новыхъ и очень любопытныхъ. Но въ нихъ еще есть спеціальный интересъ; если сопоставить эти крестьянскіе акты, писанные въ XVIII вѣкѣ, съ такими же актами и. XVI вѣка, когда понятіе крестьянской собственности имѣло больше юридическихъ основаній, и съ явками крестьянскихъ сдѣлокъ въ книгахъ нынѣшнихъ волостныхъ правленій, когда крестьянская собственность признана закономъ, то вскрывается любопытная черта—сходство, даже полное тожество актовъ и формъ распоряженія собственностью какъ въ понятіи населенія, такъ даже въ формѣ актовъ. Очевидно, въ эпоху наибольшаго развитія крѣпостного права крестьянинъ продолжаетъ считать свои участки своею собственностью. Конечно, распоряженіе этою собственностью не было гарантировано государственнымъ закономъ и совершалось постольку свободно, посколько суверенная власть пана не вмѣшивалась, или

соглашалась на акты распоряженія. Во всякомъ случаѣ указанный рядъ фактовъ вскрываетъ цѣлые оазисы крѣпостного міра, гдѣ признавалась за крестьяниномъ важнѣйшая сторона гражданскихъ правъ человѣка — право собственности.

Положеніе огромныхъ помѣщичьихъ мастностей весьма сходно съ положеніемъ обширныхъ королевщинъ и государственныхъ имуществъ. Главное преимущество «подданныхъ добръ столовыхъ и земскихъ Рѣчи Посполитой» (такъ назывались эти земли) — заключалось въ томъ, что они могли приносить жалобы на своихъ администраторовъ и пожизненныхъ держателей. Для этой цѣли существовалъ особый асессорскій судъ. Положимъ, съ сильными старостами (управителями) и арендаторами не легко было тягаться въ этомъ шляхетскомъ судѣ: на иски крестьянъ о грабежахъ и насиліяхъ подавались встрѣчные иски о крестьянскихъ бунтахъ, неповиновеніи и неуплатѣ податей. Но, тѣмъ не менѣе, можно встрѣтить и выигранные крестьянами иски. Надо помнить, что среди арендаторовъ и старостъ иногда бывали люди и безъ протекціи, бывали арендаторы евреи: всѣмъ этимъ не легко было выпутаться. Опорнымъ пунктомъ для крестьянъ и мѣщанъ королевскихъ и земскихъ имѣній были инвентари, т.-е. подворныя описи, съ обозначеніемъ надѣловъ и отбываемыхъ за нихъ платежей и повинностей; были и общія инструкціи для управленія имѣніями, были, наконецъ, и королевскіе инстигаторы, т.-е. чиновники, наблюдавшіе какъ за цѣлостью поземельныхъ владѣній, такъ и за пріемами ихъ управленія.

Въ инвентари заносилась «старина» крестьянскихъ повинностей, за неподвижностью которой населеніе зорко слѣдило. Вотъ почему, несмотря на самоуправство администраціи, на королевскихъ земляхъ крестьянамъ жилось все-таки лучше, чѣмъ на помѣщичьихъ: здѣсь было гораздо больше чиншевиковъ. Мало того, наканунѣ паденія

Рѣчи Посполитой государство даже задалось реформой въ управленіи столовыми имѣніями. Было произведено тщательное подворное описаніе крестьянскихъ усадебъ; крестьянскія хозяйства были раздѣлены по размѣрамъ надѣльной земли и хозяйственному инвентарю на добрыя, среднія и слабыя. Былъ установленъ новый размѣръ повинностей сообразно зажиточности крестьянъ. Но это уже было поздно.

Ко всему сказанному можно было бы добавить еще одно указаніе. И въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ крестьянскія повинности опредѣлялись инвентарями. Въ жизни Рѣчи Посполитой были особыя условія, которыя не для всѣхъ мѣстностей дѣлали возможнымъ частыя, особенно огульныя повышенія повинностей. Причина эта — слабость администраціи и ея полная независимость отъ центральнаго правительства. Въ случаѣ бунта крестьянъ, если въ немъ не были заинтересованы сосѣдніе помѣщики, владѣлецъ былъ предоставленъ самому себѣ и защитѣ своихъ гайдуковъ или служилой шляхтѣ. Еще болѣе безсиленъ былъ помѣщикъ въ случаѣ бѣгства крестьянъ: только сильныя связи или правильная война съ сосѣднимъ владѣльцемъ могла возвратить убѣжавшихъ или свезенныхъ крестьянъ. Нечего и говорить, что помѣщики, жившіе на пограничьѣ съ Украиной, еще болѣе были безпомощны въ этомъ отношеніи.

II.

Мы указали какъ на тѣ факты, которые рисуютъ намъ развитіе крѣпостного права, такъ и на рядъ условій, которыя должны были его смягчать въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Несмотря на послѣднія, все-таки картина получается тяжелая. Поэтому становится вполнѣ понятной тревога, поднятая публицистами второй половины XVIII вѣка. Они

горячо взывали къ чувству гуманности современнаго имъ общества и придумывали различные проекты освобожденія крестьянъ или улучшенія ихъ участи. Голоса аболюціонистовъ раздаются съ университетскихъ каѳедръ, въ журналистикѣ, въ отдѣльныхъ политическихъ трактатахъ. Полемика велась со всею страстностью, столь свойственною польскому темпераменту, охватывая всѣ провинціи, всѣ слои общества. Отъ рѣки Мухавца, — говоритъ князь Любомірскій, — и на сѣверъ до Балтійскаго побережья, на западъ до Варты все общество было объято мыслью о крестьянской реформѣ. Въ болотистомъ Полѣсьѣ, на берегахъ многолюднаго Нѣмана, среди песчанаго Мазовша, на Балтійскомъ побережьѣ, въ Великопольинѣ всѣ женщины, администраторы, городскіе лавники, служители алтаря, — всѣ преклонили головы передъ правами кмета, сознавая, что и для него пробилъ часъ. Многіе помѣщики охотно идутъ навстрѣчу новымъ вѣяніямъ: устраиваютъ самоуправляющіяся сельскія громады, опредѣляютъ повинности крестьянъ и проч. Мысль объ освобожденіи проникаетъ не только въ среду шляхты, но и въ крестьянство [1]).

Нельзя назвать слишкомъ преувеличенной картину, нарисованную глубокимъ знатокомъ вопроса; мысль объ эмансипаціи начинала овладѣвать умами. Безспорно, чувство гуманности, подогрѣтое философскими теоріями Запада, играло въ этомъ движеніи видную роль; не забывались и политическіе мотивы. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи даже и наиболѣе видные публицисты, какъ Коллонтай со всей своей кузницей, не заходили слишкомъ далеко: оставляя политическую власть въ рукахъ шляхты, они предлагали даровать крестьянамъ свободу личную, религіозную, гражданскія права, опредѣлить ихъ положеніе въ государствѣ путемъ законодательства, наконецъ,

[1]) Kolnicza ludnosc w Polsce, p. 72—74.

создать имъ государственныхъ опекуновъ изъ среды шляхты же. Отстраняя мысль о правахъ политическихъ, авторы указывали, однако, тотъ политическій мотивъ, что при тогдашнемъ положеніи Польши ей нужно пріобрѣсть любовь крестьянъ къ родинѣ и свободѣ, опереться на этотъ многочисленный классъ. Польша погибнетъ, — пророчески предсказываетъ знаменитый Коллонтай, — если весь народъ не будетъ имѣть интереса любить свое отечество и защищать свою свободу» [1]).

Но наиболѣе интересная для насъ сторона вопроса заключается не въ этихъ мотивахъ. Большинство авторовъ разъясняли въ своихъ работахъ и экономическую сторону вопроса. Онъ сводился къ выясненію большей продуктивности свободнаго труда.

Въ данномъ случаѣ выдающуюся роль въ исторіи польской мысли сыграла доктрина физіократовъ. Польское общество всегда чутко относилось къ наукѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Понятно, что эта доктрина въ земледѣльческой странѣ произвела сильное впечатлѣніе [2]).

Дѣйствительно, въ крѣпостнической средѣ того времени иногда пробивается мысль, что подневольный трудъ не продуктивенъ. Это сознаніе иногда выносилось изъ практическихъ наблюденій [3]). На ряду съ этимъ экономисты занимаются теоретической разработкой вопроса. Стоя на почвѣ физіократической доктрины, они старались доказать тѣсную связь экономическаго состоянія страны съ благосостояніемъ ея земледѣльца: «Каждый край счастливъ до тѣхъ поръ, пока земледѣліе въ немъ процвѣтаетъ, такъ какъ оно есть основа торговли, — пишетъ одинъ изъ авторовъ Торговаго Дневника. — Но какъ можетъ процвѣтать земледѣліе, если шляхтичъ притѣсняетъ хлопа?

[1]) Мякотинъ, р. 142, сл.

[2]) Тогдашніе журналы были полны статьями, разъясняющими это ученіе. О вліяніи доктрины физіократовъ см. статью Marchlewskiego: Fizyokratyzm w Polsce, „Bibl. Warsz.“, 1896.

[3]) Факты у Любомірскаго, р. 72.

крестьянинъ, не имѣя правъ собственности ни на землю ни на плоды рукъ своихъ, не можетъ быть хорошимъ работникомъ [1]). Профессора-экономисты проповѣдывали ту же идею съ высоты каѳедръ и въ ученыхъ трактатахъ. Извѣстный и въ русской литературѣ по переводу своего сочиненія на русскій языкъ, ксендзъ Стройновскій поучалъ молодежь Виленскаго университета, что только земледѣліе является источникомъ народнаго богатства. На этомъ основаніи онъ требовалъ, чтобы правительство дало крестьянамъ свободу и гражданскія права, перечисло налоги на земельную собственность [2]). Тотъ же тезисъ съ горячностью защищалъ представитель каѳедры въ Краковѣ, ксендзъ Поплавскій, послѣдователь физіократовъ [3]).

Въ ряду многочисленныхъ писателей и ученыхъ видное мѣсто принадлежитъ въ развитіи этой стороны вопроса знаменитому и вліятельному въ то время публицисту, ксендзу Сташицу. Остроту ума онъ соединялъ со страстностью проповѣдника. Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ «Предостереженіе Польшѣ», какъ и въ болѣе раннемъ «Замѣчанія о жизни Яна Замойскаго», Сташицъ не только взываетъ къ чувству гуманности польскаго шляхетства, но и сочными красками рисуетъ сельскохозяйственныя условія того времени. Сташицъ исходитъ изъ высокаго представленія о характерѣ и вліяніи на націю земледѣльческаго труда: земледѣліе есть источникъ богатства страны, ея свободы, моральнаго и культурнаго преуспѣянія. На земледѣльческомъ классѣ держатся всѣ остальные классы, такъ какъ отъ земледѣлія зависитъ промышленность и торговля страны. Но въ Польшѣ земледѣльцы находятся въ тяжелой неволѣ. Этотъ классъ бѣденъ и неразвитъ. Тамъ, гдѣ хлопъ бѣденъ, находится въ рабствѣ, тамъ вся страна бѣднѣетъ и ей грозитъ неволя.

[1]) Korzon, p. 407.
[2]) Ibidem, p. 317.
[3]) Ibidem, p. 387.

Между тѣмъ вообще экономическое положеніе Польши очень плачевно: производительный классъ находится въ угнетеніи, а классы непроизводительные (духовенство и шляхта) предаются роскоши. Сельское хозяйство находится въ полномъ упадкѣ [1]). Одною изъ общихъ причинъ экономическаго упадка Польши Сташицъ считаетъ обширность владѣльческихъ мастностей: онѣ менѣе производительны, чѣмъ небольшія имѣнія при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи поземельной собственности [2]). Поэтому онъ возстаетъ противъ сосредоточенія обширныхъ земельныхъ имуществъ въ рукахъ государства и духовенства. Ставъ на эту общую точку зрѣнія, Сташицъ обстоятельно доказываетъ экономическое паденіе Польши въ зависимости отъ несвободнаго труда. Польша представляетъ печальный видъ малонаселенной страны, бѣдной, несмотря на естественныя богатства [3]). Главный недостатокъ ея — отсутствіе свободнаго земледѣльца собственника [4]). Хозяйство ведется не раціонально: фольварки въ имѣніяхъ очень обширны, никакихъ меліораціонныхъ затратъ не дѣлается, имѣнія приносятъ ничтожный доходъ [5]). Но самое ужасное зло, источникъ всѣхъ бѣдъ, это — подневольный трудъ земледѣльца, этотъ „дикій способъ земледѣлія“. Рабочій день на панщинѣ стоитъ странѣ дороже, чѣмъ приносимая его работою польза. Совершенно противно человѣческой природѣ, чтобы человѣкъ съ усердіемъ работалъ на пользу другого. Хлопъ на барщинѣ только изыскиваетъ способы, какъ бы облегчить свой трудъ, какъ бы обмануть надсмотрщика. Барщина развиваетъ въ человѣкѣ лѣнь и безпечность. Между тѣмъ свободный трудъ въ нѣсколько лѣтъ могъ удвоить продуктивность земли, увеличить ея населеніе. Страна съ барщиннымъ трудомъ

[1]) Przestrogi dla Polski, изд. 1790 г., p. 126—142.
[2]) Ibidem, p. 164.
[3]) Ibidem, p. 184.
[4]) Ibidem, p. 190.
[5]) Ibidem, p. 191—197.

всегда будетъ находиться въ одномъ и томъ же состояніи, не пойдетъ впередъ [1]). Кромѣ моральныхъ причинъ, крѣпостное право еще имѣетъ причину, дѣлающую во всѣхъ отношеніяхъ непродуктивнымъ трудъ хлопа — отсутствіе у него собственности и права на нее: онъ даже не имѣетъ права улучшить трудомъ свое положеніе. Хлопъ не только самъ не имѣетъ собственности, но онъ — собственность другого. Хлопъ, даже имѣющій сбереженія, не сдѣлаетъ затратъ на хозяйственныя улучшенія, не будетъ держать хорошаго инвентаря и т. д., такъ какъ у него нѣтъ увѣренности въ своихъ правахъ на свое же имущество [2]). Сташицъ предвидитъ обычныя возраженія изъ шляхетской среды и спѣшитъ ихъ отпарировать. Каждый шляхтичъ обыкновенно повторяетъ, что польскій хлопъ слишкомъ глупъ, не трудолюбивъ, лѣнивъ; поэтому ему нельзя давать ни суда ни свободы. Но никто изъ шляхты не сознаетъ, или не желаетъ сознать того, что онъ самъ этому причиной, что хлопъ польскій такой же человѣкъ, какъ нѣмецкій крестьянинъ. Не природа польскаго хлопа является причиной его недостатковъ, но неурядица среди господствующей въ Польшѣ шляхты. Нашъ хлопъ въ Польшѣ не преобразится до тѣхъ поръ, пока не перемѣнится шляхта. Шляхтичъ упрекаетъ польскаго хлопа въ страшномъ пьянствѣ, а, между тѣмъ, каждый шляхтичъ въ своей деревнѣ, въ мѣстечкѣ выставляетъ по 5—6 корчемъ, подобно силкамъ, для ловли этого хлопа» [3]).

Въ сочиненіяхъ Сташица собраны обычные для литературы того времени аргументы, и собраны въ болѣе компактномъ видѣ. Онъ же даетъ и наиболѣе распространенный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ надо улучшить положеніе крестьянъ. Польскіе публицисты не

[1]) Ibidem, p. 197—200 и 221—225
[2]) Ibidem, p. 218—221.
[3]) Ibidem, p. 245-6.

заходили далеко въ этомъ вопросѣ: они считали переходъ съ барщины на чиншъ совершенно достаточнымъ обезпеченіемъ матеріальнаго благосостоянія крестьянской массы, слѣдовательно, они мечтали о превращеніи крѣпостного въ лично свободнаго арендатора шляхетской земли. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Сташицъ. Считая систему чинша наиболѣе выгодной съ точки зрѣнія экономической, онъ допускалъ, однако, рядомъ съ нею и систему издѣльной работы арендатора, вмѣсто чинша [1]). Мы остановились нѣсколько подробнѣе на взглядахъ Сташица какъ потому, что онъ наилучшимъ образомъ отразилъ мнѣнія современниковъ, такъ и потому, что на крестьянской реформѣ графа Іоахима Хрептовича, о которой мы потомъ разскажемъ, несомнѣнно отразились не только литературное, но и личное вліяніе Сташица: между ними существовали дружескія отношенія.

Какъ видно уже изъ сочиненія Сташица, въ программѣ аболюціонистовъ кореннымъ пунктомъ является вопросъ объ очиншеваніи крестьянскихъ земель при условіи личной свободы, или даже при сохраненіи нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ помѣщика [2]). Многіе авторы съ настойчивостью разъясняютъ, что чиншъ выгоднѣе панщины для самихъ пановъ. «Я высчиталъ,— говоритъ авторъ очень интереснаго по данному вопросу сочиненія «Uwagi nad uwagami»,—въ весьма многихъ селахъ, что очень умѣренный чиншъ съ хлопскихъ грунтовъ больше принесетъ прибыли, нежели взыскиваемые сборы; но тотъ проявитъ мудрость, кто на первый разъ назначитъ не большой сборъ.. Были уже такіе примѣры... гдѣ издавна было введено закупничество и очиншеваніе земель, тамъ и хлопъ живетъ лучше и имѣніе приноситъ большій доходъ [3]).

---

[1]) Ibidem, p. 202—204.

[2]) См. матеріалъ въ книгѣ Мякотина, стр. 109, 115, 123, 128, 140, 154.

[3]) Korzon, p. 419.

И эта общая тенденція не оставалась на бумагѣ. Въ самой помѣщичьей средѣ замѣчается стремленіе къ переводу крѣпостныхъ на чиншъ [1]). Шляхта начинала задумываться надъ состояніемъ сельскаго хозяйства. Тогдашніе экономисты и публицисты, доказывая паденіе сельскохозяйственнаго производства, писали на основаніи хорошо подмѣченныхъ явленій: позднѣйшіе выводы науки подтвердили, что съ развитіемъ крѣпостныхъ отношеній сельское хозяйство, торговля и промышленность въ Польшѣ пали [2]).

Такимъ образомъ, для польскаго помѣщика того времени являлись побужденія двоякаго рода для реформъ въ своихъ имѣніяхъ: во-первыхъ, въ немъ проснулось чувство гуманности; во-вторыхъ, хозяйственныя соображенія тоже подсказывали ему необходимость реформъ. Дарованіе личной свободы на основаніи декрета, изданнаго самимъ владѣльцемъ, и переводъ крестьянъ съ барщины на чиншъ являлись по тому времени наиболѣе соотвѣтственными мѣрами. Дѣйствительно, нѣсколько крупныхъ помѣщиковъ, какъ Янъ Замойскій, Бржостовскій, Яблоновская, Хрептовичъ и нѣкоторые другіе, ввели въ своихъ мастностяхъ крестьянскую реформу. Одни изъ этихъ реформаторовъ выступали очень парадно, иногда развивая опеку надъ крестьянами до смѣшныхъ и вредныхъ размѣровъ. Такова многошумная реформа княгини Яблоновской съ ея многотомнымъ законодательствомъ. Въ имѣніяхъ Яблоновской крестьянинъ былъ поставленъ подъ контроль столь многочисленной администраціи, что едва ли старое крѣпостное право не казалось ему легкимъ сравнительно съ новой формой свободы. Много писалось о реформахъ въ Павловичскомъ имѣніи, принадлежавшемъ графамъ Бржостовскимъ, близкимъ родственникамъ Хрептовичей. Въ 1779 г. въ Вильнѣ была отпечатана

[1]) Stawiski: Poszukiwania do ist. rolnictwa krajowego, 1858, p. 244.
[2]) Ibidem, p. 185, 231.

даже книжка рѣчей, которыя говорилъ ксендзъ Вильгельмъ Калинскій крестьянамъ этого имѣнія. Рѣчи эти должны были разъяснить крестьянамъ реформы и утѣхи ихъ земледѣльческой жизни. Первая рѣчь посвящена именно разсужденію на послѣднюю тему, вторая рѣчь разъясняетъ сущность свободы, данной павловичскимъ крестьянамъ, и третья — пользу науки для крестьянина [1]).

Въ общемъ всѣ эти реформы были выполнены въ духѣ времени. О нѣкоторыхъ реформахъ въ литературѣ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія, о другихъ весьма скудныя, иногда только извѣстія о нихъ [2]). Но даже относительно хорошо извѣстныхъ реформъ того времени историкъ лишенъ возможности прослѣдить результаты освободительныхъ попытокъ, историкъ даже не можетъ дать простого отвѣта, какъ долго держалась проведенная помѣщикомъ реформа? Такъ, относительно наиболѣе ранней попытки въ этомъ направленіи, реформы графа Замойскаго, только извѣстно, что уже въ 1773 году, т.-е. всего черезъ 13 лѣтъ послѣ введенія, графъ уничтожилъ права, данныя имъ крестьянамъ, и новый арендаторъ имѣнія Бежунь ввелъ панщину [3]). Относительно другихъ ничего неизвѣстно. О реформѣ графа Хрептовича, укрѣпившейся въ его бѣлорусскихъ имѣніяхъ и дѣйствовавшей до самаго освобожденія крестьянъ, въ литературѣ почти ничего неизвѣстно: встрѣчаются только

[1] Mowy Imci, Księdza Gwilelma Kalinskiego do rolników miane w Pawłowie.

[2] Свѣдѣнія о реформахъ собраны въ цитированныхъ трудахъ Любомірскаго, Ставискаго, Корзона, Горемыкина и Мякотина. Не только свѣдѣнія, но даже и списокъ реформаторовъ очень не полонъ. Считаемъ полезнымъ обратить вниманіе на реформу графа Игнатія Сциборъ-Мархоцкаго, предпринятую имъ въ своихъ маетностяхъ Миньковичи, Ушицкаго уѣзда, Подольской губ. Изданъ былъ печатный экземпляръ договора, заключаемаго между помѣщикомъ и его крестьянами. Договоръ заключенъ въ 1804 году.

[3] Горемыкинъ, Исторія крестьянъ въ Польшѣ, стр. 117

упоминанія, что Хрептовичъ ввелъ реформу, но характеръ и последствія остаются неизвѣстными.

Такая неполнота нашихъ свѣдѣній, отрывочность ихъ весьма понятна. Въ эпоху паденія Польши ея публицистика достигла высокаго развитія. Наши свѣдѣнія о реформахъ почерпаются или изъ тогдашнихъ публицистическихъ сочиненій, или изъ книгъ и брошюръ, отпечатанныхъ реформаторами. Но когда Польша была раздавлена сосѣдями, то вопросъ о реформѣ перестаъ быть вопросомъ государственнымъ, условія измѣнились, и крестьянскій вопросъ какъ бы потухъ. Для того, чтобъ уяснить дѣйствительную сущность тогдашнихъ реформъ, прослѣдить произведенное ими измѣненіе въ положеніи крестьянъ, узнать, была ли реформа буффонадой, или помѣщики рѣшились держаться разъ даннаго обѣщанія,— для всего этого надо забраться въ архивы старинныхъ замковъ и тамъ искать разъясненія. Работа не легкая, при началѣ ея нельзя имѣть увѣренности въ томъ, что найдутся бумаги этого рода: хозяйственныя дѣла во всѣхъ помѣщичьихъ архивахъ въ большомъ пренебреженіи, такъ какъ стараются сохранить лишь письма именитыхъ людей.

III.

Въ архивѣ гр. Хрептовичей, въ имѣніи Щорсахъ, мы нашли богатый матеріалъ по данному вопросу. Этотъ матеріалъ вскрываетъ передъ нами чрезвычайно любопытную страничку въ исторіи крѣпостного права собственно уже въ эпоху, когда Западный край перешелъ къ Россіи.

Безспорно, сама личность Іоахима Хрептовича представляетъ немалый интересъ въ виду затѣянной имъ реформы. О немъ мы прежде всего скажемъ нѣсколько словъ.

Іоахимъ Марціановичъ Хрептовичъ, родившійся въ 1729 г. и умершій въ 1812 г., принадлежалъ къ старинной литовской фамиліи, но къ XVIII в. нѣсколько захудалой — и по службѣ и по размѣру своихъ маетностей далеко уступавшей первокласснымъ магнатамъ. Основнымъ имѣніемъ этой фамиліи, которой Іоахимъ былъ по смерти отца единственнымъ представителемъ, были Щорсы, то самое «болотце Щорсы», которое пожаловано конюшему Мартину Хрептовичу еще въ XV вѣкѣ. Щорсы, дѣйствительно, лежатъ въ болотистой мѣстности надъ Нѣманомъ (въ Новогрудскомъ уѣздѣ). Рядомъ съ Щорсами лежало большое имѣніе князей Радзивилловъ, Негневичи: оно принадлежало Хрептовичамъ на залоговомъ правѣ и при графѣ Адамѣ было пріобрѣтено ими въ полную собственность. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, Хрептовичамъ принадлежало большое имѣніе Вишнево.

Іоахимъ Хрептовичъ получилъ образованіе въ Виленскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Это учрежденіе въ то время пользовалось большою извѣстностью и впослѣдствіи преобразовалось въ Виленскій университетъ, роль котораго оно фактически выполняло раньше.

О направленіи, вынесенномъ изъ учебнаго заведенія, о начальной дѣятельности Хрептовича мы знаемъ очень мало. Государственную свою дѣятельность онъ началъ въ должности стольника Новогрудскаго повѣта, былъ депутатомъ въ главномъ трибуналѣ литовскомъ, т.-е. судьею въ высшемъ судилищѣ, наконецъ, не разъ былъ избираемъ мѣстною шляхтою посломъ на сеймы. Это вниманіе шляхты слѣдуетъ признать исключительнымъ и, очевидно, молодой стольникъ обладалъ крупными достоинствами. На избирательномъ сеймѣ при избраніи короля Станислава-Августа Понятовскаго Хрептовичъ былъ во главѣ воеводства Новогрудскаго, собравшагося станомъ подъ Варшавой.

Въ тотъ же періодъ своей дѣятельности въ качествѣ представителя повѣта онъ несъ и службу въ войскахъ и былъ полковникомъ Пятигорской булавы (наемныхъ черкесовъ).

Вновь избранный король на коронаціонномъ сеймѣ пожаловалъ Хрептовича въ званіе великаго секретаря Великаго Княжества Литовскаго (1764 г.), можетъ-быть, въ признательность за поддержку при избраніи. Интересно, что Хрептовичъ былъ первымъ секретаремъ изъ свѣтскихъ лицъ: до него эту должность обыкновенно занимали духовныя лица. Министерскій постъ великаго секретаря уже создавалъ І. Хрептовичу очень вліятельное положеніе въ государствѣ. Въ 1773 г. онъ получаетъ должность подканцлера Великаго Княжества Литовскаго и, такимъ образомъ, становится министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1793 г., т.-е. въ годъ паденія республики, онъ получилъ санъ канцлера, но тогда же на Гродненскомъ сеймѣ сложилъ съ себя это званіе.

Этимъ кончилась служебная карьера І. Хрептовича. Онъ поселяется въ Варшавѣ и ведетъ жизнь частнаго человѣка, цѣликомъ предавшись научнымъ занятіямъ.

І. Хрептовичъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени и успѣлъ усвоить себѣ не только формальное образованіе, но и глубокое уваженіе къ идеямъ вѣка, желаніе провести ихъ въ жизнь. Не довольствуясь полученнымъ въ Виленской академіи образованіемъ, Хрептовичъ на сороковомъ году жизни отправляется въ чужіе края, посѣщаетъ Францію, Англію, Голландію, Швейцарію, Германію и Чехію. Здѣсь онъ завязываетъ знакомство съ выдающимися умами Запада. Плодомъ пытливой любознательности подканцлера является собранная имъ прекрасная библіотека, въ которой на ряду съ французскими мыслителями той эпохи находятся творенія древнихъ классиковъ и сочиненія эпохи Возрожденія. Польская исторія и польскіе писатели нашли себѣ

здѣсь почетное мѣсто. И по настоящее время эта библіотека, прекрасно сохраняющаяся, представляетъ едва ли не лучшую изъ старинныхъ библіотекъ Западнаго края.

Въ увлеченіи философіею Хрептовичъ отдалъ дань вѣку, и, по свидѣтельству каноника Богуша, римская церковь обрѣла этого заблудшаго своего сына только въ глубокой старости.

Отдавшись государственной дѣятельности, Хрептовичъ не имѣлъ времени или не желалъ обращаться къ печати для изложенія своихъ мыслей. Впрочемъ, среди современниковъ были извѣстны его стихотворные переводы на польскій и латинскій языки. По ихъ отзывамъ, эти стихотворенія отличались изяществомъ стиля. Ему принадлежитъ и статья о сельскомъ хозяйствѣ, въ которой онъ совѣтовалъ помѣщикамъ переходить съ барщины на чиншъ, предлагалъ болѣе удобное въ хозяйственномъ отношеніи распредѣленіе крестьянскихъ участковъ такъ, чтобы каждое хозяйство жило на своемъ участкѣ; онъ совѣтовалъ устраивать отдѣльные господскіе фольварки сообразно съ количествомъ имѣющихся налицо рабочихъ [1]). Наконецъ, ему же принадлежитъ брошюра о промышленности, вышедшая въ 1802 г. [2]).

По своимъ взглядамъ на экономическій строй Хрептовичъ склонялся къ школѣ физіократовъ, интересовался сочиненіями Тюрго и даже снабжалъ ими короля Станислава-Августа, съ которымъ онъ былъ очень друженъ.

Все это свидѣтельствуетъ о широтѣ умственныхъ запросовъ графа Іоахима. Къ этому можно прибавить, что онъ велъ обширную переписку съ выдающимися людьми своего вѣка и въ ней часто касался вопросовъ литературы и науки. Даже съ Фридрихомъ Великимъ его связывалъ этого рода интересъ: въ одной запискѣ великій

[1]) См. Stawiski, p. 397.
[2]) По указателю Финкля, № 1831.

король благодаритъ своего корреспондента за присылку какой-то книги.

Когда Хрептовичъ поселился въ Варшавѣ въ качествѣ частнаго лица, его салонъ охотно посѣщали лучшіе представители тогдашней литературы и науки. Старикъ поражалъ собесѣдниковъ своею замѣчательною памятью: онъ цитовалъ наизусть длинныя оды Горація и даже цѣлыя страницы изъ исторіи Литвы Кояловича. Люди науки и научныя предпріятія находили въ немъ поддержку: когда основывалось столь извѣстное варшавское общество друзей наукъ, Хрептовичъ былъ въ спискѣ первыхъ его членовъ.

Государственная дѣятельность І. Хрептовича до сихъ поръ очень мало освѣщена. Будущій біографъ его, какъ мы увѣрены, найдетъ прочное указаніе на то, что Хрептовичъ много и успѣшно, насколько позволяли обстоятельства, работалъ на государственномъ поприщѣ: но біографъ отмѣтитъ также и тотъ фактъ, что величайшая скромность этого государственнаго мужа не допустила поставить себя въ ряды многорѣчивыхъ сеймовыхъ ораторовъ того времени.

Для насъ интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить лишь одинъ-другой фактъ. Такъ, современники единогласно приписываютъ графу Іоахиму первую мысль объ основаніи Эдукаціонной комиссіи и объ обращеніи фундушей, оставшихся послѣ изгнанія оо. іезуитовъ, на дѣло народнаго просвѣщенія: онъ же составилъ и проектъ комиссіи, утвержденный сеймомъ. Въ качествѣ члена комиссіи Хрептовичъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи Виленскую академію, во главѣ которой по его приглашенію сталъ знаменитый Почобутъ: съ нимъ Хрептовичъ и произвелъ реформу академіи и покрылъ край сѣтью школъ.

Въ Эдукаціонной комиссіи Хрептовичъ работалъ до 1792 г. Изъ другихъ сторонъ государственной дѣятель-

ности I. Хрептовича важно отмѣтить его участіе въ составленіи проекта кодекса, порученнаго сеймомъ 1776 г. графу А. Замойскому. Проектъ кодекса былъ представленъ сейму 1780 г. Здѣсь было нѣсколько статей, благопріятныхъ крестьянамъ. Такъ, личную свободу получали всѣ сыновья крестьянина, кромѣ перваго и третьяго. но и эти могли быть отдаваемы отцомъ въ городъ даже безъ согласія пана для обученія ремесламъ; проектировалось установленіе гарантіи, обезпечивающей личность свободнаго крестьянина отъ насилій со стороны шляхты. проектировалось разрѣшить свободное заключеніе браковъ. Но сеймъ отвергнулъ весь проектъ только потому, что въ немъ заключались указанныя статьи о крестьянахъ. Шляхетскіе лбы были крѣпки, сердца ихъ закаменѣли въ эгоизмѣ!» восклицаетъ по этому поводу новѣйшій польскій историкъ (Корзонъ).

Всѣ эти факты вводятъ насъ въ кругъ личныхъ и общественныхъ симпатій графа Іоахима. Проникнутый идеями вѣка, онъ стремится провести ихъ въ жизнь государственную и онъ успѣваетъ сдѣлать многое на томъ поприщѣ, на которомъ это было возможно, — въ сферѣ народнаго образованія. Никто не будетъ удивляться. что при тогдашнемъ порядкѣ вещей Хрептовичу не удалось провести улучшеній въ крестьянскомъ вопросѣ. Но зато слѣдуетъ удивляться мужеству лицъ, поднявшихъ на сеймѣ этотъ вопросъ. Если тутъ Хрептовичъ потерпѣлъ пораженіе, то, по крайней мѣрѣ, онъ успѣлъ приложить свои идеи въ той сферѣ, гдѣ его власть не могла встрѣтить препятствій.

Такой сферой были его вотчинныя владѣнія.

Характерно отмѣтить, что самъ Іоахимъ Хрептовичъ. занятый службою, рѣдко бывалъ въ своихъ имѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ очень много сдѣлалъ и для развитія въ нихъ хозяйства, и весьма былъ занятъ устройствомъ въ родовомъ имѣніи Щорсахъ помѣщичьей усадьбы. Ему

принадлежитъ постройка помѣщичьяго дворца въ стилѣ Людовика XV съ прекраснымъ отдѣленіемъ для библіотеки. Не занимаясь самъ хозяйствомъ, графъ Хрептовичъ съ 90-хъ годовъ передаетъ управленіе имѣніями своимъ сыновьямъ, графамъ Адаму и Иринію. Передавая управленіе, онъ снабжаетъ старшаго сына, Адама, точными инструкціями, излагающими сущность произведенной имъ крестьянской реформы, свои взгляды на хозяйство, и предписываетъ навсегда удержать установленное имъ отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ. Дѣйствительно, наслѣдники графа Іоахима продолжали вплоть до крестьянской реформы исполнять изданное имъ Положеніе и вести хозяйство въ указанномъ имъ направленіи. Первое наставленіе сыновьямъ дано было въ 1790 г., а второе и окончательное -въ 1795 г. Обѣ инструкціи формулируютъ уже установившіяся отношенія, и, слѣдовательно, самая реформа была проведена, хотя и въ незаконченномъ видѣ, ранѣе 1790 г. Одинъ изъ современниковъ (ксендзъ Богушъ) называетъ Хрептовича первымъ реформаторомъ крестьянскихъ отношеній въ Литвѣ, что вполнѣ возможно, хотя мы не знаемъ точной даты начала реформы. Во всякомъ случаѣ окончательное устройство поземельнаго положенія крестьянъ и господскаго хозяйства принадлежитъ графу Адаму, выполнявшему и развивавшему инструкціи своего отца. Графъ Ириній въ 1845 г. дополнилъ работу своихъ предшественниковъ изданіемъ устава о сельскомъ судѣ. Всѣ эти документы намъ удалось найти въ фамильномъ архивѣ.

Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ имѣется законодательная работа по своей вотчинѣ трехъ послѣдовательныхъ владѣльцевъ ея, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключалась реформа графа Іоахима съ ея дальнѣйшими дополненіями и каковы были ея хозяйственныя и моральныя послѣдствія.

IV.

На первомъ планѣ необходимо выяснить, въ чемъ заключалась та «вольность», которую помѣщикъ даровалъ своимъ крестьянамъ. По мнѣнію современниковъ, знакомыхъ съ реформой, графъ Іоахимъ уничтожилъ подданство, панщину и всякаго рода услуги, работы, толоки, сторожу, подводы и подати крестьянъ въ пользу помѣщиковъ; онъ далъ также неограниченное право крестьянамъ уходить на заработки. При этомъ реформаторъ исходилъ изъ той мысли, что крестьяне будутъ привязаны къ его имѣніямъ въ силу собственныхъ же интересовъ.

Такъ опредѣляетъ данную крестьянамъ вольность ксендзъ Богушъ. Это опредѣленіе очень близко къ истинѣ. Правда, графъ Іоахимъ не опредѣлилъ никакимъ, ни государственнымъ ни вотчиннымъ, актомъ даруемыхъ имъ личныхъ правъ своимъ крестьянамъ. Данное имъ опредѣленіе представляетъ, однако, интересъ: подъ «свободой», данной Щорсовскимъ крестьянамъ, говоритъ онъ, надо разумѣть, что она дана людямъ рачительнымъ и трудолюбивымъ, а не бездѣльникамъ и лѣнтяямъ, для которыхъ вольность была бы и безполезна и вредна; трудолюбивый же хозяинъ считается не только тотъ, который самъ работаетъ, но и тотъ, который можетъ управлять хозяйствомъ; лѣнтяевъ, говоритъ графъ Іоахимъ, я не считаю свободными людьми, таковыхъ надо брать на наемную дворовую работу.

Графъ Адамъ точнѣе опредѣляетъ вопросъ о личной свободѣ своихъ крестьянъ. Такъ какъ графъ Іоахимъ, разсуждаетъ графъ Адамъ въ своемъ мемуарѣ, никакимъ юридическимъ актомъ не опредѣлилъ личной свободы своихъ крестьянъ, то всѣ крестьяне остаются во владѣніи двора согласно ревизскимъ сказкамъ; поэтому ни одинъ крестьянинъ не можетъ безъ разрѣшенія двора удалиться

изъ предѣловъ имѣнія, или совершенно выселиться изъ него . По его же мнѣнію, такой уходъ долженъ былъ бы отразиться на интересахъ сельскаго общества, обязаннаго нести государственныя подати и повинности. Кромѣ того, можно указать на ограниченія со стороны владѣльца свободы крестьянъ: крестьяне обязаны были выходить на дворовую работу по требованію двора, хотя такая работа и оплачивалась дворомъ. Впрочемъ, графъ Адамъ сильно смягчаетъ свое право владѣнія крестьяниномъ: имѣя въ виду, что многіе крестьяне имѣютъ право на личную свободу въ силу своихъ дарованій, онъ постановилъ, что всякій можетъ получить свободу, а также и дѣвушка можетъ выйти замужъ въ другую вотчину при условіи извѣстнаго взноса въ крестьянскую кассу.

Не нужно удивляться тому, что Хрептовичи не дали своимъ крестьянамъ полной свободы. Въ концѣ XVIII в. лучшіе люди Польши видѣли сущность въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса не столько въ личной свободѣ крестьянъ, сколько въ регулированіи ихъ отношеній къ помѣщикамъ и даже въ благожелательной опекѣ надъ крестьянами.

Въ силу послѣдняго принципа Хрептовичи допускаютъ даже нѣкоторое вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ. Впрочемъ, надо сдѣлать оговорку, что это вмѣшательство было весьма незначительно и далеко не доходило до той мелочной регламентаціи, которую мы встрѣчаемъ у другихъ современниковъ графа Іоахима, напримѣръ, въ имѣніяхъ княгини Яблоновской.

Такъ, графъ Адамъ убѣжденъ, что однимъ изъ недостатковъ крестьянскаго хозяйства является невозможность найти наемнаго работника: каждый крестьянинъ торопится женить сына или, выдавъ дочь замужъ, принять въ домъ зятя-примака. Такъ они дѣлаютъ, желая усилить работоспособность семьи, но этотъ расчетъ ошибоченъ. Молодая пара требуетъ особаго помѣщенія,

стремится завести особое хозяйство, самостоятельность сына мѣшаетъ хозяйственнымъ распоряженiямъ отца, невѣстка заводитъ ссоры въ семьѣ, наконецъ, отцу иногда приходится женатаго сына сдавать въ рекруты. Поэтому помѣщикъ установилъ, чтобы парень съ 18 до 24 лѣтъ непремѣнно служилъ бы паробкомъ въ господскомъ домѣ, или въ крестьянскомъ хозяйствѣ, получая денежную плату, одежду и кормъ. По его мнѣнiю, это произведетъ хорошее моральное воздѣйствiе на молодежь. Только послѣ 24 лѣтъ, или вообще по отбытiи имъ шестилѣтней паробоцкой службы, парню разрѣшается жениться, и онъ уже выходитъ изъ разряда крестьянъ, подлежащихъ сдачѣ въ рекруты. При этомъ было опредѣлено также и время совершенiя браковъ (отъ Новаго года до масленой недѣли), свободное отъ усиленныхъ хозяйственныхъ работъ [1]). Сверхъ того, помѣщикъ еще инымъ образомъ вмѣшивался въ вопросъ о крестьянскомъ бракѣ. Въ щорсовской экономiи сохранился рядъ книгъ со справками относительно желающихъ вступить въ бракъ. Въ справкахъ собирались указанiя относительно возраста и имущественнаго состоянiя желающихъ вступить въ бракъ. По разсказамъ стариковъ-крестьянъ, всѣ эти свѣдѣнiя собирались сельскимъ судомъ, въ который являлись молодыя пары съ ихъ родителями. На судѣ опредѣлялся размѣръ приданаго, у кого изъ родителей будутъ жить молодые и вообще взвѣшивалось, насколько прочное хозяйство можетъ составить молодая пара. Всѣ эти свѣдѣнiя протоколистъ суда заносилъ въ особую книгу, которая представлялась помѣщику для резолюцiи.

Только въ изложенномъ вопросѣ о бракѣ и брачномъ возрастѣ сказывалось вмѣшательство помѣщика въ частную жизнь крестьянина, притомъ умѣряемое участiемъ сельскаго суда.

[1]) Это обычное время крестьянскихъ браковъ нездѣсь въ Бѣлоруссiи.

Впрочемъ, можно указать еще на то, что при сдачѣ крестьянамъ участковъ земли помѣщики стремились разселить ихъ хуторами въ цѣляхъ хозяйственныхъ и моральныхъ. Наконецъ, ими были приняты мѣры противъ пьянства. Отдача корчемъ въ аренду евреямъ была прекращена. Корчмы ставилъ самъ дворъ. Въ будніе дни запрещено мужчинамъ и женщинамъ сидѣть и пьянствовать въ корчмахъ. Корчмарямъ запрещено было выдавать крестьянамъ водку въ кредитъ, или за какіе-нибудь продукты (по постановленію гр. Иринея). Дворовымъ паробкамъ совсѣмъ не дозволялось заходить въ корчму.

Всѣ эти постановленія, исходившія изъ чувства гуманности, или хозяйственныхъ соображеній, едва ли могутъ быть признаны весьма стѣснительными.

Такимъ образомъ, крестьяне имѣній, принадлежавшихъ Хрептовичамъ, не получивъ личной свободы, пользовались, однако, гражданскими правами въ предѣлахъ имѣнія и не несли въ пользу помѣщика никакихъ, обычныхъ въ крѣпостное время, податей и повинностей. Помѣщикъ оставилъ за собою лишь наблюденіе за общимъ строемъ крестьянской жизни, регулируя ее своими вотчинными постановленіями. Оттого во время введенія въ Западномъ краѣ инвентарей щорсовская экономія, отвѣчая на запросъ администраціи объ устройствѣ имѣнія, имѣла основаніе объяснять, что крестьяне, не пользуясь свободнымъ правомъ ухода изъ имѣнія безъ разрѣшенія владѣльца, въ самомъ имѣніи являются «какъ бы людьми вольными». Отношенія крестьянина къ помѣщику сводились, главнымъ образомъ, къ платежу аренды за землю и въ случаѣ нужды къ принудительному найму на экономическія работы, хотя послѣднія едва ли были тягостны и едва ли практиковались въ большихъ размѣрахъ, особенно по отношенію къ крестьянамъ, имѣвшимъ самостоятельное хозяйство.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключались поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщику.

Мы уже замѣтили, что Адамъ Хрептовичъ ставилъ отсутствіе батраковъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ однимъ изъ ихъ недостатковъ. Трудно сказать, насколько такое теоретическое соображеніе, повидимому, навѣянное близкимъ знакомствомъ съ англійскимъ фермерствомъ, могло повліять на распредѣленіе крестьянскихъ арендныхъ участковъ. Надо замѣтить, что имѣнія Щорсы и Вишнево, принадлежавшія Хрептовичамъ на правѣ собственности, а затѣмъ и Негневичи, перешедшія на такомъ же правѣ къ графу Адаму, не отличались многоземельемъ. Очень можетъ быть, что оба эти соображенія, теоретическое и практическое, повліяли на распредѣленіе крестьянскихъ участковъ.

Графъ Адамъ объясняетъ, что въ его владѣніяхъ живутъ подданные трехъ разрядовъ. Во-первыхъ, мѣщане и ремесленники, имѣющіе только дворовые мѣста и луга и не имѣющіе права брать въ аренду пахотныхъ земель для того, чтобы они сами не отрывались отъ ремесла. Затѣмъ, во-вторыхъ, огородники, владѣющіе дворовыми мѣстами, огородами и сѣнокосами. Это—батраки, нанимающіеся во дворъ, на сплавъ, работающіе у крестьянъ и не имѣющіе возможности держать въ арендѣ крестьянскаго участка; однако, имъ не воспрещается переходъ въ составъ арендаторовъ. Наконецъ, основную группу населенія составляютъ сельскіе хозяева-арендаторы, обладающіе собственнымъ хозяйствомъ.

Еще графомъ Іоахимомъ установленъ предѣльный минимальный размѣръ поземельнаго крестьянскаго участка. Онъ раздѣлилъ всю предположенную для раздачи землю на третины, т.-е. на трети волоки или по 10 морговъ въ участкѣ (волока равна $19^1/_2$ десятинамъ). Въ третину входила только пахотная земля. Къ третинамъ присоединялись участки сѣнокоса, а выгонная земля отрѣзывалась въ распоряженіе всего общества. Крестьянинъ не могъ брать въ аренду менѣе третины пахотной земли и имѣв-

шій меньше уже считался огородникомъ. По мнѣнію графа Іоахима, гораздо лучше, если крестьянинъ, имѣя только огородъ, обращаетъ всѣ свои силы на посторонніе заработки, чѣмъ пробивается на небольшомъ клочкѣ пахотной земли.

Кромѣ пахотной земли, сѣнокоса и выгона, крестьяне пользовались еще господскимъ лѣсомъ безплатно.

При введеніи реформы, земли для арендныхъ участковъ въ имѣніи Вишнево и Щорсы были предварительно обмѣрены и раздѣлены на участки. Въ Вишневѣ между крестьянскими волоками были оставлены небольшія полосы подъ лѣсъ для защиты полей отъ вѣтра. Каждому участку былъ отведенъ сѣнокосъ такъ, чтобы онъ составлялъ пятую часть пахотной земли. Земли подъ зарослями предварительно расчищались самимъ дворомъ. При этомъ происходило разверстаніе крестьянскихъ земель отъ господскихъ. Вслѣдствіе разверстанія пришлось поставить новые дворные фольварки на мѣстахъ гористыхъ и непригодныхъ для крестьянскаго хозяйства по отдаленности пахотной земли отъ выгона или сѣнокоса, подъ крестьянскіе же надѣлы иногда шли хорошо обработанныя фольварковыя земли. Все это указываетъ на добросовѣстность, съ которой отнеслись къ своему дѣлу владѣльцы. Разбивая крестьянскіе участки на отдѣльные хутора, уже Іоахимъ Хрептовичъ имѣлъ въ виду перенесеніе крестьянскихъ усадебъ изъ деревень на хутора и требовалъ, чтобы его управляющій всячески способствовалъ крестьянамъ при переносѣ усадебъ. Графъ Адамъ, развивая ту же мысль, объясняетъ причины такого переноса усадебъ. Прежде всего такое разселеніе уменьшаетъ безконечныя ссоры между крестьянами, такъ что число тяжбъ послѣ разселенія, по его заявленію, сильно уменьшилось. Наконецъ, близость пахотной земли и сѣнокоса является удобствомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Вся земля, раздѣленная на участки, отдавалась крестьянамъ на аренд-

выхъ условіяхъ, при чемъ контрактъ заключается на двадцать лѣтъ. При этомъ регулированы были права пользованія крестьянскими участками. Минимальный участокъ, третина, не могъ подвергнуться раздѣлу и по смерти отца переходилъ къ его старшему сыну; за старостью отецъ, впрочемъ, могъ передать свой участокъ тоже только старшему сыну, но не дѣлить его. Въ случаѣ неспособности старшаго сына управлять хозяйствомъ, или за его отказомъ, его мѣсто занимаетъ слѣдующій за нимъ. Въ случаѣ отсутствія сыновей, наслѣдуетъ дочь или пріемный зять. Впрочемъ, нераздѣлившаяся семья можетъ жить на участкѣ независимо отъ его размѣра. По инструкціи графа Іоахима, владѣлецъ третины могъ сдавать части ея въ аренду; по уложеніе графа Иринея строго воспрещаетъ такую передачу участковъ.

Теперь перейдемъ къ размѣру арендной платы: она устанавливалась контрактомъ каждыя 20 лѣтъ (при графахъ Іоахимѣ и Адамѣ, потомъ — черезъ 5 лѣтъ). Огородные и дворовые участки облагались особо отъ нахотныхъ. Обложенію подлежала только фактически запахиваемая земля, такъ что рвы и другія неудобныя мѣста не облагались. За дворовое мѣсто аренда не платилась. Чиншъ вносился въ господскую казну въ два срока въ послѣднія недѣли іюня и въ послѣднія недѣли декабря. Не уплатившему въ срокъ войтъ объявляетъ объ этомъ въ присутствіи другихъ хозяевъ, и затѣмъ неисправный плательщикъ платитъ пени по одному злотому въ мѣсяцъ. Если въ теченіе шестимѣсячнаго срока арендная плата не будетъ внесена, то движимое имущество арендатора подвергается продажѣ, пахотный участокъ у него отнимается и передается другому; такой банкротъ (по выраженію устава) уже никогда не можетъ получить арендпаго участка; только пожаръ, скотскій падежъ, продолжительная болѣзнь, градобитіе избавляютъ арендатора отъ наказанія отнятіемъ участка. Размѣръ аренды

не былъ одинаковъ. Въ Щорсахъ онъ колебался между сорока пятью и девяносто рублями съ волоки пахотной земли и отъ 20—90 р. съ волоки сѣнокоса.

Въ Вишневѣ чиншъ былъ гораздо ниже, такъ какъ здѣсь взималось по 27 р. съ волоки пахоты, по одному рублю съ морга дворовыхъ мѣстъ (огородовъ) и по 2 рубля съ волоки сѣнокоса.

Разсмотрѣвъ систему пользованія землей и вопросъ о размѣрѣ чинша, мы можемъ поставить вопросъ о томъ, насколько реформа благопріятствовала крестьянину. Такую провѣрку можно сдѣлать, благодаря мемуару графа Адама. Онъ вообще считаетъ, что съ переходомъ на чиншъ положеніе крестьянъ значительно улучшилось.

Между прочимъ, онъ разсказываетъ любопытный фактъ. Графъ Іоахимъ держалъ въ арендѣ Негневичскую волость, принадлежавшую Радзивилламъ. Пока эта волость была на барщинномъ хозяйствѣ, крестьяне буквально голодали ежегодно, начиная съ Рождества. Съ переходомъ этой волости въ собственность Хрептовичей и съ введеніемъ здѣсь арендныхъ условій, крестьяне оправились и совершенно перестали пользоваться хлѣбными ссудами отъ двора.

Однако, въ имѣніяхъ Хрептовичей все крестьянство далеко не могло пользоваться землей въ достаточномъ размѣрѣ. Этого не допускали и размѣры имѣній. Такъ, имѣнія Щорсы и Негневичи состояли изъ 11324 десятинъ пахотной, сѣнокосной и выгонной земли, кромѣ лѣса. Изъ этого пространства подъ господскіе фольварки было отведено всего 1164 десятины пахотной и 892 десятины сѣнокосной земли. При этомъ подъ фольварки отведена земля, неудобная для крестьянскаго хозяйства и такого качества, которое дѣлало ее неудобной при средствахъ удобренія, возможныхъ для крестьянъ. Это объясненіе графа Адама слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ, такъ какъ и въ настоящее время можно убѣ-

диться, что господскіе дворы были основаны на земляхъ песчаныхъ или на низинахъ, потребовавшихъ прорытія канавъ.

Съ другой стороны, нельзя считать чрезмѣрнымъ количество земли, отведенное подъ господское хозяйство. Такимъ образомъ, въ пользованіи крестьянъ на условіяхъ двадцатилѣтней аренды находилось: у «грунтовыхъ» хозяевъ 4304 десятины пахотной земли, 3709 десятинъ луговой, 238 десятинъ усадебной, занятой огородниками, и 971 десятина выгонной земли. Замѣтимъ, что соотношеніе выгонной и сѣнокосной земли къ пахотѣ чрезвычайно выгодно въ хозяйственномъ отношеніи. Но дѣло въ томъ, что на этомъ пространствѣ жило по 8-й ревизіи 3725 д. м. п. и 3651 д. ж. п. Слѣдовательно, на одну душу мужского пола приходилось бы всего около 1¹/₄ дес. пахотной земли (при 4542 дес. всей). Такъ какъ всѣхъ домовъ въ Щорсахъ и Негневичахъ числилось 1140, то очевидно, что пропорціональный надѣлъ и на одинъ многосемейный дворъ былъ бы тоже недостаточенъ. Въ дѣйствительности, по подсчету графа Адама, въ обоихъ имѣніяхъ было 767 дворовъ, арендовавшихъ не менѣе одного участка земли, т.-е. третины, и 373 двора, бывшихъ на положеніи огородниковъ. Это соотношеніе нельзя считать въ общемъ весьма тягостнымъ, такъ какъ въ число 373 дворовъ, очевидно, входятъ и мѣщанскіе дворы въ Негневичахъ; къ сожалѣнію, намъ точно неизвѣстно, сколько дворовъ было въ этомъ мѣстечкѣ.

Соображая все вышесказанное, можно положительно утверждать, что для громаднаго большинства хозяйствъ это распредѣленіе земли было болѣе выгодно, чѣмъ въ періодъ до реформы, проведенной графомъ Іоахимомъ. Такъ, по инвентарямъ Щорсъ, относящимся къ первой половинѣ XVIII вѣка, обычный надѣлъ крестьянскаго двора составлялъ одну шестину, т.-е. шестую часть волоки (около 3¹/₅ дес.), такъ что, напримѣръ, 85 дворовъ села Ожболотья сидѣли всего на 16 волокахъ.

Между тѣмъ минимальный надѣлъ, установленный Хрептовичами, составлялъ третью часть волоки.

Что касается другихъ имѣній Хрептовича, т.-е. Вишнева и Березины (въ Ошмянскомъ уѣздѣ), то въ нихъ всей земли, кромѣ лѣса, считалось 9557 дес. Грунтовые крестьяне пользовались 3968 дес. пахотной земли, 1091 дес. сѣнокосной, 853 дес. выгонной, огородники 40 дес. пахотной и 40 дес. сѣнокоса. Въ общемъ помѣщикъ считалъ 4008 десятинъ пахотной земли, сданной крестьянамъ въ аренду. На этой землѣ сидѣло 1854 души м. п. и 2087 д. ж. п., арендаторовъ же (грунтовыхъ), т.-е. обработывавшихъ не менѣе $1/_3$ волоки, было 480 дворовъ, а огородниковъ всего 60 дворовъ. Впрочемъ, въ своей запискѣ владѣлецъ выражаетъ намѣреніе докончить распредѣленіе земель и оставить только 200 хозяевъ грунтовыхъ, остальныхъ же перевести въ разрядъ огородниковъ. Здѣсь распредѣленіе земель болѣе благопріятно, чѣмъ въ Щорсахъ.

Изъ этого обзора ясно, что не все крестьянское населеніе названныхъ имѣній могло заниматься исключительно земледѣліемъ. Легко также замѣтить, что общее количество земли, находившейся въ распоряженіи помѣщика, было столь не велико, что не могло обезпечить землею въ достаточной мѣрѣ всѣхъ крестьянъ; оставался лѣсъ, но трудно было бы ожидать такой жертвы отъ владѣльцевъ, какъ уничтоженіе громадныхъ лѣсныхъ пространствъ. Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что владѣльцы, въ силу теоретическихъ соображеній, стремились къ искусственному раздвоенію земледѣльческаго класса на двѣ группы — полныхъ хозяевъ и батраковъ, потому что положеніе огородниковъ немногимъ лучше было положенія батрака.

Впрочемъ, по подсчету графа Адама, всѣ огородники имѣли возможность прилагать свой трудъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Такъ, крестьяне Щорсъ и Негне-

вичъ зарабатывали при господскомъ хозяйствѣ, нанимались на сплавъ по Нѣману и, наконецъ, занимались извозомъ и ремеслами. Въ общемъ заработокъ обѣихъ волостей высчитывался въ 19000 руб. серебромъ, изъ которыхъ до 8900 руб. крестьяне получали изъ господской кассы за работу.

Крестьяне Вишнева и Березины, не имѣя сплавной рѣки, могли, однако, работать на владѣльческомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Крестьяне этихъ волостей зарабатывали до 11000 руб. серебромъ, причемъ на фабрикѣ получали 3000 руб., а на фольварочныхъ работахъ — 6000 р. серебромъ, остальные 2000 руб. зарабатывались извозомъ, ремеслами.

Какъ бы ни распредѣлялись заработки хозяевъ-огородниковъ, все-таки не трудно замѣтить, что заработокъ ихъ былъ не великъ. Вѣдь надо прежде всего помнить, что въ наемныхъ работахъ съ огородниками конкурировали и грунтовые хозяева, если въ ихъ семьяхъ были свободныя руки; далѣе, обязательная служба парней отъ 18—24 лѣтъ также давала значительный контингентъ наемныхъ работниковъ. Правда, для вишневскихъ крестьянъ сторонніе заработки были, вѣроятно, не такъ существенны, такъ какъ громадное большинство ихъ сидѣло на своихъ грунтахъ, хотя и при незначительныхъ надѣлахъ, что, какъ мы видѣли, помѣщикъ считалъ ненормальнымъ (4000 дес. на 480 хозяйствъ, при чемъ въ среднемъ въ хозяйствѣ было по 2 семьи). Но заработки щорсовскихъ крестьянъ были не велики: въ самомъ дѣлѣ, даже при предположеніи, что весь ежегодный заработокъ въ 19000 руб. распредѣлялся бы между всѣми 373 хозяйствами огородниковъ и мѣщанъ, то это давало бы всего по 51 руб. на дворъ. Надо при этомъ помнить, что крестьяне должны были уплачивать подушную подать, нести общинные сборы и платить чиншъ за огороды и дворовыя мѣста. Такимъ образомъ, положеніе огород-

никовъ далеко нельзя признать обезпеченнымъ; но зато положеніе грунтовыхъ хозяевъ было вполнѣ обезпеченное. Впрочемъ, и необезпеченность положенія огородниковъ надо понимать лишь относительно, въ сравненіи съ положеніемъ полныхъ хозяевъ тѣхъ же имѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы составить себѣ болѣе правильное понятіе о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ имѣніяхъ графа Хребтовича сравнительно съ положеніемъ сосѣднихъ имѣній, надо сопоставить количество надѣльной земли и размѣры повинностей изслѣдуемыхъ имѣній съ сосѣдними. Правда, для сколько-нибудь точныхъ и детальныхъ сопоставленій у насъ нѣтъ необходимаго матеріала. Впрочемъ, для нашихъ цѣлей достаточно общихъ точекъ соприкосновенія.

У насъ имѣется двѣ группы данныхъ: во-первыхъ, данныя отъ времени 8 ревизіи для Щорсъ и Вишнева: ихъ можно сопоставить съ данными инвентарныхъ комитетовъ: во-вторыхъ, данныя редакціонныхъ комиссій. Прежде всего обратимся къ сравненію размѣровъ надѣльной земли.

Въ Щорсахъ и Негневичахъ по 8 ревизіи на одинъ крестьянскій дворъ въ среднемъ приходилось 4 дес. пахотной и $3^1/_4$ дес. сѣнокосной земли. Сравнительно съ другими имѣніями времени инвентарныхъ комитетовъ — это минимальный размѣръ участка (въ $7^2/_3$ дес. встрѣчается въ Новгор. у.; обычный размѣръ большаго участка въ томъ же уѣздѣ 12,4 дес.). Въ сходныхъ по населенности и почвѣ уѣздахъ Слуцкомъ и Минскомъ встрѣчаемъ участки отъ $6^2/_3$ и до 20 дес. въ первомъ и даже отъ $2^1/_2$ до $20^1/_3$ дес. во второмъ: въ среднемъ въ 12 дес. въ Слуцкомъ и 18 дес. въ Минскомъ. Въ уѣздахъ съ болотистой и песчаной почвой размѣры участковъ очень велики — вдвое больше, напримѣръ, въ Бобруйскомъ, въ Мозырскомъ. Для губерніи тогда приходилось въ среднемъ по 16,3 дес. на каждый дворъ (съ огород-

никами и бобылями), а на одинъ тяглый или оброчный — по 17,9 дес. [1]).

Средніе надѣльные дворовые участки въ Щорсахъ получаются меньше среднихъ по уѣзду: но надо припомнить, что въ Щорсахъ былъ принятъ минимальный участокъ грунтового хозяина въ «третину» волоки пахотной земли. Вмѣстѣ съ сѣнокосной и усадебной онъ составлялъ 10 дес. Такой средній дворовый участокъ и былъ обычнымъ въ эпоху освобожденія крестьянъ въ 10,23 дес., или на одну ревизскую душу (по 10 ревизіи) 2,99 дес. Въ эту эпоху лучшій въ губерніи уѣздъ, Слуцкій, представлялъ чрезвычайную пестроту въ отношеніи размѣра надѣльной земли, такъ что никакая средняя не даетъ истиннаго о немъ представленія. Наиболѣе низкіе надѣлы падали до 0,33 д., 0,5 д., 2,5 д. до 4—6 д., но такихъ имѣній немного. Изъ 107 имѣній (съ крѣпостнымъ населеніемъ свыше 100 душъ въ каждомъ) въ 68 надѣлъ колебался между 8 и 13 дес., затѣмъ опять начиналась пестрота въ размѣрахъ его [2]).

То же положеніе занимаетъ и имѣніе Вишнево, Ошмянскаго уѣзда. Въ Виленской губ. въ 50-хъ годахъ на 10 душъ обоего пола крѣпостного населенія приходилось по одной волокѣ земли, т.-е. на $1^1/_3$ крестьянскій дворъ (населенность двора тогда считалась въ 6—9 душъ обоего пола, въ среднемъ въ 7—8), или по 14,7 дес. на дворъ [3]). Въ Вишневѣ на одинъ дворъ полнаго хозяина приходилось $10^1/_2$ дес. всей земли ($8^1/_4$ дес. пахотной). Для грунтовыхъ хозяевъ показанный средній размѣръ въ Вишневѣ подымался до 15 дес. въ среднемъ на дворъ, какъ это можно заключить изъ данныхъ редакціонныхъ коммиссій. По тѣмъ же даннымъ, изъ 46

---

[1]) Инвентарныя положенія, изд. 1859 г., Зелинскій, р. 639, 637 и 635.

[2]) Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій.

[3]) Матер. для ст. и геогр. Рос., Виленская губ., р. 486.

имѣнія въ Ошмянскомъ уѣздѣ въ 12 имѣніяхъ надѣлъ былъ 15 дес. на дворъ, въ 10 имѣніяхъ — отъ 10 до 14 дес., въ 24—отъ 16 до 26 дес. Сравнительно съ другими уѣздами той же губ. имѣніе Вишнево занимало среднее положеніе: въ Виленскомъ уѣздѣ на ревизскую душу приходилось 3,5 дес., въ Дисненскомъ—3,26 дес., въ Лидскомъ—2,4 дес., въ Вишневѣ же 3,33.

Итакъ, въ имѣніяхъ Хрептовича крестьянскіе участки можно признать средняго размѣра сравнительно съ другими имѣніями, но съ тѣмъ, что размѣръ ихъ ближе къ меньшимъ участкамъ въ обѣихъ губерніяхъ. Но надо имѣть въ виду нѣкоторыя условія тогдашняго хозяйства. Мы знаемъ, что положеніемъ графа Іоахима былъ опредѣленъ извѣстный minimum арендиаго крестьянскаго участка, а maximum снимаемой земли былъ предоставленъ силѣ и желанію каждаго хозяина. Средній участокъ очень не великъ въ Щорсовскомъ имѣніи, но это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Новогрудскій и Слуцкій уѣзды обладаютъ прекрасной почвой (глинисто-черноземная): это такъ называемая литовская украйна . Поэтому надѣлы здѣсь вообще и въ другихъ имѣніяхъ не велики, повинности же выше, чѣмъ въ имѣніяхъ сосѣднихъ уѣздовъ. Притомъ при разбивкѣ участковъ въ экономіяхъ лучшія и хорошо обработанныя земли отошли къ крестьянамъ. Очевидно, слѣдовательно, минимальный размѣръ участка, по мнѣнію помѣщиковъ, соотвѣтствовалъ участку, удовлетворяющему насущныя потребности крестьянской семьи, съ другой стороны, фактическая съемка крестьянами ихъ участковъ соотвѣтствовала, очевидно, ихъ рабочей силѣ и желаніямъ. Надо имѣть еще въ виду, что крѣпостное хозяйство того времени въ такой обильной незаселенными и малоплодородными землями, какъ Минская губ., имѣло и другую сторону: оно знало накидыванія крестьянамъ земли съ цѣлью полученія отъ нихъ большей работы, хотя земля и бывала въ

тягость крестьянскому хозяйству [1]). Наконецъ, надо и еще помнить, что имѣнія Хрептовичей были сравнительно съ другими не велики и плотно заселены. Между тѣмъ раздѣленіе земель между помѣщикомъ и крестьянами было таково: въ Щорсахъ изъ всей господской земли въ количествѣ 19854 дес. выдѣлено крестьянамъ 9222 дес. (пашня, сѣнокосъ, выгонъ), подъ помѣщичьими фольварками было 2056 дес., остальное подъ лѣсомъ, а въ Вишневѣ изъ всей земли въ количествѣ 23651 дес. было сдано въ аренду крестьянамъ, мѣщанамъ и другимъ арендаторамъ 6294 дес.; подготовлено къ раздачѣ въ аренду 1628 дес. Между тѣмъ въ цѣлой Минской губерніи всѣ землевладѣльцы владѣли 6.949.444 дес. и въ пользованіи ихъ крестьянъ считалось 1.384.328 дес. [2]). Иными словами, отношеніе крестьянскихъ земель къ владѣльческимъ во всей губерніи выражается отношеніемъ 1:5, въ Щорсовскомъ им.—1:2, въ Вишневскомъ 1:3,7, а при предположенномъ увеличеніи участковъ какъ 1:3. Присматриваясь къ хозяйственному распредѣленію земель, нельзя не замѣтить, что Хрептовичи пощадили только лѣса своихъ имѣній.

Таково было соотношеніе крестьянскихъ участковъ въ им. гр. Хрептовичей съ общими условіями положенія крестьянъ въ краѣ. Гораздо труднѣе сдѣлать такое же сравненіе по отношенію къ арендной платѣ. Дѣло въ томъ, что въ то время аренда земли безъ крестьянъ, да еще долголѣтняя аренда небольшихъ участковъ—явленіе очень рѣдкое, не уловленное тогдашними авторами (вѣчночиншевыхъ отношеній въ этомъ случаѣ нельзя принимать во вниманіе). Для насъ же важно было бы выяснить, насколько арендная плата въ имѣніяхъ Хрептовичей, продиктованная своимъ крестьянамъ волею помѣщика, соотвѣтствовала рыночнымъ цѣнамъ на землю, или доходности

[1]) Зелинскій, Мат. для геогр. и стат., Минская губ.
[2]) Зелинскій, 1, p. 549, 641.

съ земли, или, наконецъ, суммѣ платежей и повинностей, несенныхъ крѣпостными людьми сосѣднихъ владѣльцевъ.

По тогдашнимъ свѣдѣніямъ краткосрочная (3—6 лѣтъ) аренда на землю въ Виленской губ. оплачивалась по 25—50 р. въ годъ съ волоки земли, въ черноземныхъ же мѣстностяхъ до 60 р.; огородная земля цѣнилась по 10—18 р., а подъ Вильной — по 35 р. за десятину [1].

Въ сосѣднихъ губерніяхъ опредѣлялась такъ: въ Могилевской губ. за десятину пахотной земли платили 2 р. 40 к.—2 р. 60 к., кое-гдѣ и 3 р., за десятину сѣнокосной — 3—4 рубля. Въ Гродненской губ. арендная плата была гораздо выше: десятина пахотной земли шла отъ 4 р. 50 к. до 10 р. 86 к., въ среднемъ — 7 р. 25 к., сѣнокосъ—по 8 р. 25 к. По условіямъ почвы и хозяйства Гродненская губ. ближе всего подходитъ къ Новогрудскому уѣзду, а Могилевская — къ Ошмянскому уѣзду (наиболѣе плодородный уѣздъ Виленской губ.). Но надо замѣтить, что около времени освобожденія крестьянъ арендная плата за земли стала подыматься. Такъ, въ Смоленской губ. въ началѣ 50-хъ годовъ аренда земли была очень рѣдкимъ явленіемъ, при чемъ за десятину пахотной земли платили отъ 1 р. до 1 р. 75 к., за сѣнокосныя — по 5—7 р. (за хорошій, а за плохой — по $1\frac{1}{2}$ р.) [2].

Если у насъ мало свѣдѣній объ арендѣ земли, снимаемой на свободныхъ договорныхъ условіяхъ, то матеріалы редакціонныхъ коммиссій представляютъ значительное количество данныхъ объ оброкѣ, который въ извѣстномъ отношеніи можетъ служить показателемъ арендныхъ цѣнъ. Такъ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ встрѣчается размѣръ оброка съ десятины въ 1 р. 50 к., но чаще 2 р. и 3 р.

[1]) Матеріалы для стат. и геогр. Россіи, Виленская губ., стр. 492.

[2]) Соловьевъ, Сельскохозяйств. статистика Смоленской губ., стр. 180—3.

При этомъ всегда съ оброчныхъ крестьянъ требуются еще какія-нибудь дополнительныя повинности—шарварки, подводы, сгоны и проч. При послѣднемъ же условіи встрѣчаемъ въ Минскомъ уѣздѣ оброкъ отъ 1 р. (очень рѣдко) до 2 р. (обычно), иногда съ барщиной въ 3 дня въ недѣлю лѣтомъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ отъ 1 р. до 3 р. съ десятины при условіяхъ сгоновъ и урочныхъ работъ. Въ Виленской губ.: въ Ошмянскомъ уѣздѣ даютъ съ десятины отъ 1 р. 20 к. до 3 р., въ Дисненскомъ—3—4 р. съ десятины и т. д.

Однимъ словомъ, средняя плата за десятину земли въ 2—3 р. можетъ быть признана обычной.

Сравнивая теперь принятыя въ имѣніяхъ граф. Хрептовичей условія аренды съ вышеприведенными данными, мы приходимъ къ заключеніямъ, вполнѣ благопріятнымъ для крестьянъ изслѣдуемыхъ имѣній.

Такъ, въ Щорсахъ арендная плата за десятину пахотной земли была отъ 1 р. до $4^2/_3$ р. По раскладочнымъ вѣдомостямъ экономіи въ среднемъ выходила плата за десятину пахотной земли по $4^3/_5$ р., т.-е. высшая, при чемъ за худшую платили по 3 р., за лучшую — по 6 р., за сѣнокосную—въ среднемъ по 3,42 р., за лучшую — по 4,5 р., худшую — по 2,28 р.; десятина усадебной земли шла по 5,41 р. Въ Вишневскомъ имѣніи за десятину пахотной земли платили всего 1,38 руб., столько же за десятину сѣнокосной, за усадебную по 2,81 руб.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, а также и хозяйственныя особенности обоихъ имѣній, видимъ, что арендная плата здѣсь не была повышенной, что она соотвѣтствуетъ среднимъ и даже низшимъ вольнымъ арендпымъ цѣнамъ.

Но это сравненіе еще далеко не достаточно: мы сравниваемъ арендаторовъ, юридически, однако, находящихся въ крѣпостной зависимости, съ арендаторами, свободно

договаривающимися. Наши сравненія будутъ полны только тогда, когда мы сдѣлаемъ указанія на тогдашнее положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: вѣдь арендная плата щорсовскихъ и вишневскихъ крестьянъ фактически замѣняла собою барщину, разныя «данины» и повинности и чиншъ крѣпостныхъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Въ Виленской, напрям., губ. почти всѣ имѣнія пользовались тяглымъ трудомъ крестьянъ, при чемъ повсемѣстно практиковалась работа съ тягла по три мужскихъ и по три дня женскихъ въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и по четыре дня. Но, кромѣ того, еще требовались съ крестьянъ особые сгоны, сторожа, очень тяжелая подводная повинность и проч.[1]).

Остановимся еще на нѣкоторыхъ данныхъ по Минской губерніи, которыя можно извлечь изъ свѣдѣній, собранныхъ инвентарными комитетами. По расчетамъ на основаніи данныхъ инвентарныхъ комитетовъ на одну десятину земли крестьянскаго участка въ среднемъ приходилось 15,4 рабочихъ дня въ годъ (7,7 мужскихъ и столько же женскихъ, при максимальномъ количествѣ въ Новогрудскомъ уѣздѣ въ 18,4 дня и Слуцкомъ — 20,5 и минимальномъ — въ 13 дней въ Игуменскомъ уѣздѣ[2]).

Впрочемъ, расчетъ инвентарныхъ комитетовъ въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ особаго довѣрія. Но, кромѣ барщины, крестьяне еще отбывали разныя повинности и платили денежные оброки и дани, натурою и деньгами. Лучшимъ показателемъ можетъ служить тотъ фактъ, что по инвентарнымъ правиламъ помѣщикъ, взамѣнъ освобожденія своихъ крестьянъ отъ натуральныхъ повинностей, могъ пользоваться $^1/_3$ частью валового дохода съ крестьянскаго участка, безъ вычета посѣвныхъ сѣмянъ. Расчетъ этихъ третьяковъ былъ сдѣланъ очень благосклонно для помѣщиковъ, и все-таки они на-

[1]) Матеріалы по геогр. и стат. Виленской губ., стр. 186.
[2]) Зелинскій, I, стр. 614—5.

ходили для себя невыгодным переходъ къ «третьякамъ», и съ 1852 г. имъ снова предоставлено право пользованія шестидневной барщиной (3 мужскихъ и 3 женскихъ дня) съ каждаго тягла, опредѣленнаго закономъ по примѣру великорусскихъ губерній (одинъ работникъ, надѣленный участкомъ земли, нормой котораго признано $4^3/_4$—9 дес. всей земли). Эти третьи части дохода съ крестьянскихъ участковъ составляли около 3 руб. съ десятины, рѣдко падая ниже 2 руб., согласно расчетамъ инвентарныхъ комитетовъ.

Все это указываетъ на значительное напряженіе рабочихъ и платежныхъ силъ крѣпостного населенія. Это доказывается матеріалами редакціонныхъ комиссій. Обычная барщина вездѣ состоитъ изъ 156 дней муж. и 156 жен., но значительная часть имѣній требовала по 104 дня, другая часть — по 208 дней[1]).

Но нужно отмѣтить, что почти всегда пониженіе числа барщинныхъ дней соотвѣтствуетъ увеличенію числа сгоновъ, тяжесть которыхъ состояла въ томъ, что помѣщикъ въ горячее лѣтнее время пользовался всею наличною рабочею силой семьи. Сверхъ барщинныхъ работъ вездѣ требовались съ крестьянъ сгоны, сторожа, подводы; иногда по нѣскольку сотъ верстъ, даже натурою или

[1]) Отступленія отъ обычной нормы въ 156 дней встрѣчаются, въ Виленскомъ уѣздѣ изъ 51 им. въ 7 им. принято 104 муж. дня; въ одномъ — 117 дн., въ одномъ — 201 дня; въ Вилейскомъ въ 14 имѣніяхъ 104 муж. дня, въ 21 имѣн. — 208 дней, и въ 1 имѣн., въ Лидскомъ изъ 33 имѣній въ 4 имѣн. — 104 дня, въ одномъ — 102 дня; въ Ошмянскомъ изъ 45 имѣній въ одномъ отъ 52 дней, въ 10 имѣн. — 104, въ одномъ — 117, 126, 130, 153, 208; въ Свенцянскомъ изъ 116 имѣн., въ одномъ — 52 дня, въ 1 имѣн. — 78 дн., въ 10 имѣн. по 104 дня, въ одномъ — 111, въ двухъ — 182, въ 15 имѣніяхъ — 208 дн., въ одномъ — 222, 234, 260 дн.; въ Трокскомъ уѣздѣ изъ 54 имѣн. въ семи — 104 дня, въ шести — 208 дней, въ одномъ — 260 дн.; въ Новогрудскомъ у. изъ 107 имѣній въ 23 по 104 дня, въ одномъ по 116, 162; въ Слуцкомъ у. изъ 115 им. въ 15 по 104 дня, одномъ по 108, 130, 160, 204, въ двухъ по 208; въ Минскомъ уѣздѣ изъ 67 имѣн. въ 23 по 104 дня и т. под.; обыкновенно число женскихъ дней соотвѣтствуетъ числу мужскихъ.

деньгами и довольно обыкновенно еще денежный оброкъ. Платежъ за дани, перелагаемый на деньги, чрезвычайно разнообразенъ, наприм., отъ 5 к. до 4 р. 22 к. въ Новогрудскомъ у., въ Ошмянскомъ же у. отъ 1 р. 50 к. до 3 р. Денежный оброкъ при барщинѣ не всегда взимался. Въ Виленской губ. онъ иногда равнялся чистому оброку (отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ десятины), иногда падалъ до 3 р. съ участка. Въ Новогрудскомъ у.— отъ 1 р. до 3 р. и даже до 10 р. 45 к. съ участка.

Изъ всего сказаннаго во всякомъ случаѣ видно, что какъ размѣры барщины, такъ и придаточные къ ней платежи и повинности были весьма значительны. Къ сожалѣнію, весьма трудно сдѣлать расцѣнку всего того, что давалось крестьянами помѣщику въ видѣ податей и повинностей. Впрочемъ, сошлемся на одинъ расчетъ, сдѣланный членами Витебскаго комитета по упраздненію крѣпостного права: онъ считалъ стоимость 99 рабочихъ дней въ 27 р. 40 к. при девятидесятинномъ подворномъ участкѣ и стоимость 77 дней — въ 23 р. 20 к. при семидесятинномъ участкѣ, т.-е. по 3 р. 4½ к. и по 3 р. 30 к. на десятину крестьянской надѣльной земли и по 24,6 к. и по 30,1 к. за рабочій день.

Сообразивъ теперь, что въ Виленской и Минской губ. барщина была вдвое больше, чѣмъ ее считали витебскіе хозяева, присоединивъ еще къ ней другія натуральныя повинности и денежные сборы и соразмѣривъ все это съ арендной платой крестьянъ въ имѣн. Хрептовичей, не трудно видѣть болѣе выгодное положеніе послѣднихъ. Его можно характеризовать тѣмъ, что крестьяне въ имѣніяхъ Хрептовичей, имѣя надѣльные участки немного ниже среднихъ сравнительно съ сосѣдними мѣстностями, платили за нихъ арендную плату немного повышенную сравнительно съ среднимъ размѣромъ крестьянскаго оброка при стонахъ и значительно пониженную сравнительно съ вольной арендной платой.

Однако, эти заключенія должны быть корригированы еще однимъ указаніемъ на порядокъ въ данныхъ имѣніяхъ.

Намъ уже приходилось указывать на то, что помѣщикъ, отказавшись отъ личныхъ повинностей крестьянъ, обрабатывалъ собственныя поля наемными рабочими. Эти рабочіе нанимались изъ тѣхъ же крестьянъ. Относительно неженатой молодежи, паробковъ, мы знаемъ хорошо, что наемъ ея на господскія работы не былъ принудительнымъ. Правда, экономическія работы выполнялись въ громадномъ большинствѣ дворовыми паробками и лишь такія работы, какъ свозка хлѣба съ полей, транспортированіе зерна въ городъ и за границу (по Нѣману), косьба и жатва и нѣкот. друг. требовали посторонихъ рабочихъ.

Для насъ весь вопросъ сводится къ слѣдующему: носилъ ли наемъ на экономическія работы принудительный характеръ, и насколько соотвѣтствовали рыночныя цѣны на рабочія руки тѣмъ, которыя были установлены экономіей? Въ изданныхъ помѣщиками регламентахъ есть только одно указаніе на принудительность труда: по уложенію гр. Ириея, сельскій судъ обязанъ назначать за половинную цѣну сравнительно съ рыночной потребное количество рабочихъ для сплава продуктовъ по Нѣману; съ другой стороны, судъ же обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы для отработки долговъ экономіи и недоимокъ, выходили не одни бѣдняки, но и всѣ вообще крестьяне, — конечно, тѣ, на которыхъ числятся долги или недоимки. Послѣднее правило преслѣдуетъ, очевидно, такіе факты, когда по требованію изъ двора рабочихъ могли быть высылаемы войтами все одни и тѣ же бѣдняки-должники, отчего могло пострадать ихъ собственное хозяйство или посторонніе заработки. Никакихъ другихъ указаній на принудительность труда не встрѣчается. Въ постановленіи же гр. Іоахима находится прямое требованіе, чтобы даже работа лѣнивыхъ и нерачительныхъ хозяевъ, сгоняемыхъ на господскую работу въ видѣ наказанія, оцѣ-

нивалась войтомъ вмѣстѣ съ другими хозяевами: даже оцѣнку и этой работы дворъ не бралъ на себя.

Вообще, насколько можно прослѣдить вопросъ по документамъ, онъ представляется такъ: при графахъ Іоахимѣ и Адамѣ наемъ носилъ исключительно вольный характеръ и только въ уложеніи гр. Прицея (1842 г.) встрѣчаются вышеприведенныя принудительныя статьи. Но, съ другой стороны, такса заработной платы, установленная въ началѣ XIX в., оставалась неизмѣнной и въ половинѣ 30-хъ годовъ. Заработная плата почти исключительно была опредѣлена поурочно. Уроки принаровлены къ хорошей поденной работѣ, но не чрезмѣрно интенсивной: эти уроки вполнѣ сходятся съ тѣми, которые опредѣлялись мѣстными губернскими комитетами передъ реформой. Въ общемъ упряжной рабочій день былъ таксированъ въ 15 к.[1]), одноконная подвода на работѣ—тоже въ 15 к., такая же подвода при перевозкѣ продуктовъ по 15 к. отъ одной мили, если же дорога болѣе 3 миль, то по 10 к. отъ мили (въ инвентарныхъ комитетахъ 20 верстъ съ двадцатипудовою кладью, соотвѣтствовавшей одноконной упряжкѣ, считали за одинъ рабочій день и 30 верстъ безъ клади — тоже за одинъ день). Одинъ мужской пѣшій рабочій день считался въ 7½ к., женскій при сборѣ огородныхъ овощей — 5 к. Малолѣтнимъ рабочимъ и работницамъ въ день платилось по 4 к.

Думается, что эта такса не являлась принудительной для 30-хъ годовъ, а тѣмъ болѣе для предшествующихъ

[1]) Это вытекаетъ изъ сопоставленія поурочной таксы экономіи Хрептовичей съ поденными уроками мѣстныхъ комитетовъ, а также и съ инвентарнымъ положеніемъ. Такъ, за вспахиваніе одного морга земли въ одинъ разъ платилось 30 к. (по опредѣленіямъ комитетовъ нужно 3 дня на вспаханіе одной десятины, слѣдовательно, въ день — 15 к., моргъ равенъ 2/3 десятины), за скошеніе одного морга луга, за сушку его и укладку въ стогъ или свозъ съ одрины — 60 к. нужно 4 дня, слѣдовательно по 15 коп. въ день; за жатву одного морга — 45 к., нужно 3 дня, со свозкой въ гумно — 75 к., за молотьбу одной копы озимаго хлѣба — 15 к., яроваго — 10 к.

десятилѣтій, хотя, очевидно, она скорѣе приближалась къ низкимъ цѣнамъ, чѣмъ къ среднимъ. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ для сравненій. Но надо помнить, что расчетъ въ экономіи велся на серебряную монету, что уже значительно подымаетъ расцѣнку. Затѣмъ мы имѣемъ расцѣнку заработной платы временъ крестьянской реформы. Конечно, оба періода времени несоизмѣримы, потому что въ 50-хъ гг. уже сильно (сравнительно) стала сказываться потребность въ рабочихъ рукахъ и даже въ Великороссію выписывались самые дешевые въ то время рабочіе — бѣлоруссы крѣпостные. Въ 30-хъ годахъ эти симптомы, особенно въ Западной Россіи, еще не проявлялись. Вотъ почему сравнительная разница въ цѣнахъ не должна приводить насъ въ недоумѣніе.

Инвентарный комитетъ чисто искусственнымъ путемъ вывелъ для Минской губ. среднюю цѣну упряжного рабочаго дня съ парою рабочаго скота въ 15 к. за урочную работу и 10 к. за безурочную, пѣшаго дня мужского и женскаго, за урочную работу 10 к., за безурочную 7½ к. Такая же расцѣнка выведена и для Виленской губ. Для насъ важно то, что свѣдущій авторъ 60-хъ годовъ опредѣляетъ цѣны рабочаго дня ровно вдвое сравнительно съ расцѣнкой комитетовъ [1]). Это уже показаніе, на которое можемъ ссылаться. Съ другой стороны, витебскій губернскій комитетъ считалъ стоимость мужского рабочаго дня въ 20 к. и женскаго — въ 10 к. Насколько низка была тогда заработная плата, можно видѣть еще и изъ свидѣтельства одного могилевскаго депутата, утверждавшаго, что можно нанять батрака за 15 руб. въ годъ и простую работницу за 4 р. и даже за 3 р. въ годъ. Это вполнѣ возможно, такъ какъ по свѣдѣніямъ конца 50-хъ годовъ даже рабочіе на рѣчныхъ судахъ работали по слѣдующимъ цѣнамъ: на Днѣпрѣ отъ 1 р. 25 к. до 3 р., на

---

[1]) Матеріалы по исторіи управленія крѣпостного права.

Припяти—отъ $1\frac{1}{2}$ р. до $2\frac{1}{2}$ р., на Ясельдѣ—отъ 2 р. до 3 р., на Стырѣ — отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к. Это заработная плата въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ[1]).

Что она не очень удаляется отъ указанной расцѣнки сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, доказывается слѣдующими соображеніями: работа на рѣчныхъ судахъ— трудная, требующая извѣстныхъ навыковъ и довѣрія къ рабочему, транспортирующему кладь (это расцѣнка заработной платы на берлинахъ, т.-е. на такихъ судахъ, которыя требуютъ и лучшихъ рабочихъ и перевозятъ наиболѣе цѣнный товаръ); напомнимъ еще, что недѣльная работа на берлинахъ продолжается семь дней[2]).

Мы поневолѣ должны были нѣсколько остановиться на мелкихъ подробностяхъ даннаго вопроса. Это было необходимо въ виду важности вопроса о различіи рыночныхъ цѣнъ на рабочія руки сравнительно съ опредѣленными экономіею. Несмотря на недостаточность нашихъ данныхъ, кажется, мы имѣемъ основаніе прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Экономическія расцѣнки рабочаго труда, установленныя въ началѣ XIX в., оставались неизмѣнными до конца 40 годовъ. Сравнительно съ цѣнами послѣдующаго періода, эта расцѣнка низка, но она не можетъ быть таковою признана для своего вре-

1) Зелинскій, т. I, стр. 131, 162, 177, 190.

2) Все сказанное убѣждаетъ насъ, между прочимъ, еще и въ томъ, что расцѣнка сельскохозяйственныхъ работъ того же времени, приводимая въ описаніи Виленской губ., должна быть признана преувеличенной, а именно: рабочій съ возомъ и лошадьми стоилъ 65 к., зимою 45 к., рабочій съ сохою и парою воловъ—50 к., пѣшій рабочій лѣтомъ 25 к., зимою 20 к.; это цѣна, повидимому, на своихъ харчахъ: плата упряжному рабочему здѣсь, очевидно, преувеличена, что можно заключить и по соотношенію ея съ платой пѣшаго дня; далѣе—работница на хозяйскихъ харчахъ оплачивалась 10 к. въ день лѣтомъ, а зимою 5 к., на своихъ же харчахъ—20 к. и 15 к. Для насъ важно замѣтить, что цитуемый источникъ заявляетъ, что въ Ошмянскомъ, Лидскомъ и Виленскомъ уѣздахъ цѣны на рабочія руки низки (Матеріалы для геогр. и стат. Рос., Виленская губ., р. 490).

меніи. Слѣдовательно, наемная работа крестьянъ въ экономіи не носила принудительнаго характера. Нѣкоторыя особенности, введенныя уложеніемъ графа Ириnея (половинная оплата судовыхъ рабочихъ и требованіе работы отъ отрабатывающихъ недоимки и долги) не распространяется на весь кругъ сельскохозяйственныхъ работъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти расцѣночныхъ вѣдомостей періода освобожденія крестьянъ.

Выше нами разсмотрѣны всѣ тѣ данныя, которыя касаются положенія крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу. Но это только одна сторона реформы. Между тѣмъ она имѣетъ еще и другія стороны: во-первыхъ, реформа касалась крестьянскаго міра, во-вторыхъ, она поставила на совершенно новую почву господское хозяйство. Прежде всего займемся вторымъ вопросомъ, какъ болѣе тѣсно связаннымъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Мы уже видѣли, что по плану графа Іоахима былъ принятъ новый порядокъ въ распредѣленіи господскихъ фольварковъ, при чемъ огонедшія подъ нихъ земли оказались не изъ лучшихъ.

Хозяйство было поставлено въ новыя условія, такъ какъ помѣщикъ совершенно отказался отъ всякихъ видовъ барщины и связанныхъ съ нею натуральныхъ поборовъ. Всѣ работы должны быть выполняемы наемными рабочими изъ числа владѣльческихъ же крестьянъ. По плану графа Іоахима дворъ долженъ обладать достаточнымъ количествомъ наемныхъ годичныхъ работниковъ, паробковъ, для всѣхъ полевыхъ работъ, даже для прорытія канавъ, устройства оградъ и ремонта зданій. Для всѣхъ работъ во дворахъ долженъ быть заведенъ хозяйственный инвентарь. Реформаторъ много заботится о положеніи паробковъ. Они должны получить такую годичную плату, хорошую пищу и одежду, чтобы они нигдѣ не могли найти лучшей службы, если бы пожелали уйти.

Но зато паробки должны изучить возложенную на нихъ работу. Паробки должны получать хорошую одежду и въ достаточномъ числѣ, мягкую чистую и теплую постель, даже шкапъ и комодъ. Хотя вся выдаваемая паробкамъ одежда отдается имъ въ собственность, однако о починкѣ ея долженъ заботиться дворъ. Пища дается въ обильномъ количествѣ три раза въ день. Графъ Іоахимъ очень практично разсуждаетъ о томъ, насколько выгодно для сельскаго хозяйства имѣть хорошаго и хорошо содержимаго работника. Такой рабочій, не находя нигдѣ лучшаго мѣста и дорожа своимъ, будетъ болѣе интенсивно работать. Затѣмъ работники и работницы, занявшись по окончаніи своей службы собственнымъ хозяйствомъ, будутъ работящими и свѣдущими хозяевами. наконецъ, привыкнутъ къ нѣкоторымъ удобствамъ и въ своемъ хозяйствѣ усилятъ работу для того, чтобы пользоваться тѣми же удобствами.

Однимъ словомъ, дворовая работа должна быть школой крестьянскаго хозяйства. Очевидно, съ тою же цѣлью владѣлецъ совѣтуетъ своему эконому имѣть рабочихъ подъ надзоромъ старшаго паробка. Въ воскресные дни всѣмъ полагается угощеніе. Эконому дается совѣтъ устраивать для нихъ на фольваркахъ игры. Владѣлецъ даже выражаетъ желаніе, чтобы на каждаго работника и работницу отпускалась порція пива.

Мы познакомились какъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которое были поставлены помѣщичьи крестьяне, такъ и съ основами господскаго хозяйства. Порядокъ, установленный въ концѣ XVIII вѣка, продержался до освобожденія крестьянъ. Любопытно выяснить вопросъ, какъ смотрѣли сами помѣщики на результаты реформъ и насколько эти реформы оказались для нихъ выгодными въ хозяйственномъ отношеніи. Графъ Адамъ въ своей запискѣ констатировалъ полную успѣшность всѣхъ реформъ. Онъ указываетъ на превосходство свободнаго

труда надъ принудительнымъ, высказываетъ цѣлый рядъ дѣльныхъ замѣчаній о значеніи въ хозяйствѣ улучшенныхъ способовъ земледѣлія и хозяйства, указываетъ на выгоду крестьянскаго хозяйства, сосредоточеннаго на отдѣльномъ участкѣ; наконецъ, онъ доволенъ дѣятельностью крестьянскаго самоуправленія и т. д.

Еще болѣе интересно, что доходность имѣній въ теченіе полустолѣтія быстро поднималась, несмотря на то, что въ періодъ реформъ помѣщичье хозяйство только заводилось. Такъ, имѣніе Щорсы въ концѣ XVIII вѣка приносило въ среднемъ 7317 руб. серебромъ, Негневичи 9000 руб., всего 16317 руб. Въ сороковыхъ годахъ доходъ, считая по шестилѣтней сложности, въ обоихъ имѣніяхъ высчитывался такъ: ежегодно чиншу съ крестьянъ получалось 13546 руб., доходъ отъ корчемъ 6292 р., доходъ съ пяти фольварковъ составлялъ 22.941 руб., сѣнокосы приносили 2000 руб., всего оба имѣнія давали ежегодно 31233 руб., т.-е. доходъ ихъ почти удвоился. Опимянскія имѣнія передъ реформою давали 5283 руб., въ сороковыхъ годахъ они приносили уже 17952 руб. чистаго доходу (аренды съ крестьянскихъ земель въ томъ числѣ 7592 руб.). Эти цифры говорятъ сами за себя, но въ нихъ любопытно отмѣтить ту черту, что помѣщикъ, раздавъ землю въ аренду крестьянамъ при условіи совершенной отмѣны барщинныхъ работъ и разныхъ сборовъ, за одну аренду получалъ больше въ одномъ имѣніи, а въ другомъ нѣсколько меньше общаго дохода съ имѣнія при барщинномъ хозяйствѣ. Но, съ другой стороны, доходъ съ крестьянской аренды имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ доходъ съ собственнаго помѣщичьяго хозяйства. Что господское хозяйство пришло въ цвѣтущее состояніе, свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что тогда десятина земли въ новогрудскихъ имѣніяхъ приносила въ годъ 12 рублей чистаго дохода. Безспорно, такой доходъ можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ.

V.

Познакомившись съ хозяйственной стороной реформы и ея послѣдствіями, мы можемъ перейти къ жизни крестьянскаго міра.

Участіе дворовой администраціи въ жизни крестьянскаго села въ первое время было значительно; во главѣ каждой группы имѣній (т.-е. Новогрудской и Ошмянской) стоялъ особый администраторъ съ полицейскою и судебною властью, дѣйствовавшій по особой инструкціи. Онъ наблюдалъ за правильностью взносовъ крестьянами государственныхъ податей и выполненіемъ ими рекрутской и другихъ государственныхъ повинностей. Ему же принадлежали слѣдствіе и судъ по проступкамъ крестьянъ, наблюденіе за поведеніемъ крестьянъ, назначеніе опеки надъ малолѣтними и даже общій санитарный надзоръ. Этотъ администраторъ выдаетъ разрѣшеніе крестьянамъ на отхожіе заработки, поставляетъ наемныхъ рабочихъ во дворъ, подъ его отвѣтственностью и заботой состоитъ крестьянскій запасный хлѣбный магазинъ и крестьянская сельская касса. Въ то же время онъ долженъ заботиться и о крестьянахъ: слѣдить за тѣмъ, чтобы не пропадали ихъ заработки и т. п. Всѣ рапорты о состояніи волости, подаваемые помѣщику, идутъ отъ администратора.

Низшую ступень представляютъ окружные войты, на обязанности которыхъ, главнымъ образомъ, лежитъ общее наблюденіе съ такою же приблизительно компетенціею (за исключеніемъ суда) по округу, какую имѣлъ администраторъ въ волости.

Подъ общимъ наблюденіемъ помѣщичьей администраціи происходила и дѣятельность сельскаго общества. Крестьяне сами должны были заботиться объ уплатѣ государственныхъ податей. Всѣ хозяйственныя работы на крестьянскихъ арендныхъ земляхъ, наприм., расчистка

канавъ на сѣнокосахъ и зарослей, производится самими крестьянами. Постройка новыхъ гребель и мостовъ производится дворомъ совмѣстно съ крестьянами, но ремонтъ ихъ лежитъ только на крестьянахъ.

Общественныя зданія въ селахъ относятся тоже къ заботѣ исключительно самихъ крестьянъ. Кромѣ того, волость имѣетъ доктора, аптеку и богадѣльню.

Для покрытія необходимыхъ расходовъ крестьяне имѣли сельскую кассу. Сельская касса является весьма любопытнымъ учрежденіемъ. Приходъ ея составлялся изъ взносовъ на уплату подушной подати, земскихъ повинностей, изъ штрафныхъ денегъ, налагаемыхъ сельскимъ судомъ, наконецъ, изъ спеціальныхъ сборовъ на крестьянскія учрежденія и нужды. Расходныя статьи сельской кассы составляли: жалованье членамъ и протоколисту сельскаго суда, аптекарю, доктору, фельдшеру, цырюльнику; затѣмъ на сельской кассѣ лежали расходы по содержанію общественныхъ зданій, церкви, домовъ причта, запасныхъ сельскихъ магазиновъ, содержаніе больницы, покупка медикаментовъ (среди нихъ преобладали водка и піявки), наконецъ, на кассу ложились расходы по снаряженію и отправленію рекрутовъ, взятки исправнику и т. п. Подушная подать уплачивалась за всѣхъ крестьянъ кассою же, при чемъ, если въ ней недоставало необходимой суммы, то дѣлался заемъ изъ господской кассы [1]).

Несмотря на то, что дворовой администраціи предоставлялась возможность широкаго вмѣшательства, не трудно видѣть, что рядомъ съ нею проявлялась и дѣятельность крестьянскаго общества.

---

[1]) Вотъ, наприм., расходъ Вишневской волости: на государственныя подати 3256 руб. 70 коп., на сдачу рекрутъ 200 руб., на содержаніе аптеки, врача, аптекаря и двухъ фельдшеровъ 355 руб., жалованья писарю при запасномъ сельскомъ магазинѣ 15 р.; выполненіе государственныхъ повинностей: содержаніе дорогъ на 231 версту, гребли на 7½ версту, мостовъ въ числѣ 116, для расплаты за эти работы деньги собирались по раскладкѣ.

Графъ Ириней Хрептовичъ, убѣдившись (какъ онъ самъ заявляетъ) въ нравственности своихъ «подданныхъ и въ томъ, что они стараются выплачивать и отслуживать требуемые съ нихъ подати и чинши», рѣшилъ въ 1845 году дать имъ самостоятельный крестьянскій судъ. Этотъ образчикъ вотчиннаго законодательства весьма любопытенъ. Сельскій судъ является съ весьма широкою компетенціею и замѣняетъ собою дворовую администрацію.

Судъ складывается изъ трехъ судей, изъ которыхъ одинъ назначается дворомъ, одинъ избирается крестьянами, арендующими не менѣе пяти морговъ пахотной земли, и третій крестьянами, имѣющими меньше пяти морговъ, и безземельными. Кромѣ того, крестьяне избираютъ двухъ кандидатовъ къ судьямъ и еще двухъ запасныхъ кандидатовъ. Выборы крестьянскихъ судей производятся каждое трехлѣтіе посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ для судей требуется не менѣе двухъ третей голосовъ, въ кандидаты и запасные зачисляются получившіе простое большинство голосовъ. Уложеніе требуетъ полнаго устраненія вліянія дворовой администраціи въ выборахъ. Для веденія протоколовъ суда назначается особый протоколистъ, владѣющій русскимъ и польскимъ языками. Для исполненія судебныхъ приговоровъ судьи ежегодно назначаютъ двухъ особыхъ слугъ. Крестьянскіе судьи получаютъ по 24 руб. въ годъ, а протоколистъ—по 15 руб. изъ крестьянской кассы, судья отъ двора получаетъ отъ него же и жалованье. Судъ засѣдаетъ въ воскресные и праздничные дни, а въ исключительныхъ случаяхъ и въ будніе. При вступленіи своемъ въ должность, судьи приносятъ присягу. Въ случаѣ доказаннаго взяточничества или какого-нибудь другого проступка со стороны судьи, дворъ можетъ назначить новые выборы.

Рѣшеніе суда составляется по большинству голосовъ. Протоколистъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ пренія.

Во время совѣщаній суда никто не имѣетъ права входить въ избу, гдѣ онъ засѣдаетъ (въ томъ числѣ и администрація), дверь въ избу охраняется приставами. Всякій крестьянинъ, вызванный въ судъ приставами, обязанъ явиться въ назначенный срокъ. Вообще уложеніе очень тщательно охраняетъ достоинство суда, и въ случаѣ неповиновенія ему со стороны общества помѣщикъ угрожаетъ уничтоженіемъ самаго учрежденія.

Съ устройствомъ суда никакая власть въ имѣніяхъ не имѣетъ права наказывать и судить крестьянъ, но сама должна обращаться съ жалобами въ судъ. Это касается и высшей дворовой администраціи.

Компетенція суда весьма обширна. Его вѣдѣнію подлежатъ дѣла уголовныя, гражданскія, административный надзоръ за выполненіемъ всѣхъ установленій, въ томъ числѣ и по дѣламъ, регулирующимъ отношенія между дворомъ и крестьянами. Въ области уголовныхъ проступковъ уложеніе ограничивается весьма краткими указаніями. Судъ не имѣетъ права задерживать болѣе двухъ дней подъ арестомъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ дать имъ судъ, невиннаго освободить, а виновнаго подвергнуть наказанію.

Судъ обязанъ карать проступки противъ нравственности: распутство, неповиновеніе и нѣкоторые другіе. За подобные проступки судъ присуждаетъ къ тѣлесному наказанію по своему усмотрѣнію. Уличенный въ воровствѣ наказывался возвращеніемъ уворованнаго имущества или его стоимости владѣльцу и подвергался примѣрному тѣлесному наказанію. Въ общемъ уложеніе рекомендуетъ суду крайнюю умѣренность въ опредѣленіи наказаній, сообразно проступку и положенію преступника. Вообще оно предпочитаетъ наказаніе штрафами — тѣлесному. Такъ, штрафы должны быть предпочитаемы по отношенію къ лицамъ почтеннаго возраста или къ лицамъ, впервые совершившимъ проступки, а въ особенности по отношенію

къ молодежи: на нее надо воздѣйствовать морально и дать ей хорошіе совѣты; только при повтореніи проступковъ слѣдуетъ прибѣгать къ наказаніямъ. Уложеніе нигдѣ не опредѣляетъ размѣровъ ни наказаній ни штрафовъ, предоставляя и то и другое усмотрѣнію суда. По свидѣтельству бывшаго судьи, нынѣ уже глубокаго старика, крестьянина Анастасевича, воля графа Ирипея состояла въ томъ, чтобы судъ не имѣлъ права подвергать наказанію свыше 15-ти ударовъ розгами. Судьи не смѣли записывать большого числа ударовъ въ протоколъ, хотя отъ себя, разсказывалъ старикъ, присутствуя при экзекуціи, судьи прибавляли еще до 15 ударовъ: это обыкновенно дѣлалось за проступки, совершонные дворовыми или во дворѣ. Согласно тому же разсказчику, размѣръ штрафовъ никогда не былъ таксированъ.

Никакая апелляція по уголовнымъ дѣламъ не допускалась, и по окончаніи всѣхъ дѣлъ судъ тутъ же приступалъ къ экзекуціи или сбору штрафовъ.

Что касается дѣлъ гражданскаго характера, имѣющихъ содержаніемъ своимъ имущественныя отношенія, то уложеніе предвидитъ возможность апелляціи къ самому владѣльцу имѣнія только при двухъ условіяхъ: когда рѣшеніе состоялось не единогласно и притомъ сумма иска оцѣнивается не менѣе 10 руб. Этимъ общимъ постановленіемъ опредѣляются правомочія сельскаго суда по общимъ гражданскимъ дѣламъ.

Только въ отдѣлахъ семейственнаго права, наслѣдованія и опеки вотчинникъ даетъ нѣкоторыя детали въ своемъ уложеніи. Съ одной стороны, онъ стремится поддержать старый укладъ крестьянской семьи, съ другой — предоставляетъ суду регулированіе и наблюденіе за тѣми отношеніями, которыя возникали изъ арендныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику.

Такъ, вотчинникъ признаетъ отца семьи главою семьи и распорядителемъ всего семейнаго имущества. Относи-

тельно чиншевой земли власть отца семьи ограничена: онъ не можетъ раздѣлить ее между дѣтьми. Дѣти (женатые сыновья и замужнія дочери) не имѣютъ права при жизни отца требовать раздѣла: они пользуются, однако, содержаніемъ въ семьѣ, если работаютъ вмѣстѣ, или отдаютъ въ семейную кассу свои заработки. Если сынъ пожелаетъ образовать собственное хозяйство, онъ ничѣмъ при отходѣ не пользуется изъ имущества. Однако, не только дѣти не могутъ требовать раздѣла, но и отцу запрещается выдѣлить сыновей при своей жизни, или пока отецъ самъ ведетъ хозяйство. Это доказывается той статьей уложенія, которая допускаетъ въ одномъ только случаѣ выдѣлъ главой семьи взрослаго члена ея: если на одномъ хозяйствѣ живутъ съ отцемъ три семьи его сыновей и для нихъ нѣтъ мѣста въ одной избѣ.

Весьма понятно стремленіе вотчинника арендуемой крестьянами земли урегулировать вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что во всѣхъ этихъ статьяхъ сказывается не столько забота о правильности поступленія чиншевой платы, сколько желаніе обезпечить крестьянскую семью.

То же сказывается въ вопросахъ, касающихся наслѣдованія и опеки. Такъ, вотчинникъ устанавливаетъ майоратъ: къ старшему сыну переходитъ арендный участокъ земли (поле и огородъ), усадьба, а изъ хлѣбовъ — сѣмена, дающія возможность засѣять такую часть поля, которая можетъ прокормить семью въ теченіе полугода, навозъ, достаточный для унавоженія четвертой части поля, земледѣльческія орудія, упряжь. Все остальное имущество (значитъ и скотъ) подлежитъ раздѣлу. Если старшій сынъ не способенъ вести хозяйство, имущество отца переходитъ къ слѣдующему брату. Въ случаѣ отсутствія сыновей, земля переходитъ къ старшей дочери и ея мужу-примаку. Возможенъ выдѣлъ сына-наслѣдника при жизни престарѣлаго отца. Вообще престарѣлые роди-

тели, сами не занимающіеся хозяйствомъ, могутъ жить у старшаго изъ сыновей, получившаго отъ нихъ хозяйство, и должны отъ него получать содержаніе, даже если бы они не жили у старшаго.

Въ постановленіяхъ объ опекѣ надъ малолѣтними, уложеніе передаетъ опеку ближайшему родственнику малолѣтнихъ; когда старшій изъ опекаемыхъ мужского пола достигаетъ 18 лѣтъ, опека надъ нимъ прекращается и на него же возлагаются обязанности опекуна надъ младшими братьями и сестрами. Доходъ съ опекаемаго имущества идетъ въ пользу опекуна, но онъ обязанъ кормить сиротъ и отвѣчать своимъ имуществомъ за неисправный взносъ чинша съ опекаемой земли.

Такова область гражданскихъ правоотношеній, охватывавшихся уложеніемъ. Судъ обязанъ примѣнять эти нормы на практикѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что составителя уложенія нельзя обвинить въ излишнемъ схематизмѣ. Устанавливаемыя имъ нормы или повторяютъ собой обычно-правовой взглядъ крестьянской массы, или, по крайней мѣрѣ, не вводятъ взглядовъ, слишкомъ противоположныхъ крестьянству. Можно сказать, что уложеніе въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія консервативной части деревни — эта тенденція сказывается въ вопросахъ о раздѣлахъ, наслѣдованіи дочери съ ея мужемъ, при отсутствіи сыновей, во взглядѣ на опеку и пр. Единственно, что рѣзко отличалось отъ нормъ обычнаго права, это—институтъ майората.

Выше нами разсмотрѣна компетенція сельскаго суда въ области уголовнаго и гражданскаго права. Намъ остается еще разсмотрѣть компетенцію сельскаго суда въ области администраціи. Въ данномъ отношеніи судъ обладалъ обширными полномочіями, замѣняя собою вотчинную администрацію и являясь посредникомъ между сельскимъ обществомъ и панскимъ дворомъ. Прежде всего на сельскій судъ возлагается наблюденіе за исполненіемъ крестьянами государственныхъ повинностей и за уплатою

податей. Такъ, при отбываніи крестьянами самой важной изъ повинностей — рекрутской, практиковался такой порядокъ: судъ призывалъ всю сельскую молодежь сообразно особымъ спискамъ, составляемымъ на этотъ счетъ, и опредѣлялъ годныхъ къ военной службѣ — ихъ ростъ и здоровье, согласно заключенію фельдшера. Имена подлежащихъ сдачѣ хранятся въ секретѣ до самаго момента сдачи рекрутъ, когда снова призывается вся молодежь и тутъ уже объявляютъ имена забранныхъ, снабжаютъ ихъ деньгами изъ сельской кассы и хлѣбомъ изъ сельскаго магазина и отправляютъ подъ надлежащимъ присмотромъ въ рекрутское присутствіе.

Сельскій судъ, далѣе, наблюдаетъ за аккуратнымъ взиманіемъ съ крестьянъ хлѣба, поступающаго въ сельскій запасный магазинъ. Онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне не уклонялись отъ взноса подушной подати, а сборщики, чтобы не чинили притѣсненій. Раскладка подати производилась дворомъ.

Такимъ образомъ, по отношенію къ государственнымъ податямъ и повинностямъ сельскій судъ замѣнялъ собою вотчиннаго приказчика.

Нельзя также не обратить вниманія на значительное улучшеніе въ дѣлѣ взиманія податей и при выполненіи рекрутской повинности: дворъ производитъ раскладку податей, т.-е. превращаетъ подушную въ поземельную или поимущественную (подробностей мы не знаемъ), а сельскій судъ производитъ наборъ рекрутъ.

Въ такомъ же положеніи частью контрольнаго, частью исполнительнаго органа сельскій судъ оказывается и въ отношеніяхъ двора къ сельскому обществу. Такъ, судъ обязанъ подыскивать рабочихъ для сплава господскихъ товаровъ въ Кенигсбергъ, а также мастеровыхъ для постройки рѣчныхъ судовъ. Такъ какъ эти работы, по уложенію графа Иринея Хрептовича, оплачивались дворомъ лишь половинной платой сравнительно съ рыночными цѣ-

нами на рабочія руки, то сплавъ и работа на судахъ были для крестьянъ повинностью. Съ другой стороны, на обязанности суда лежало распредѣленіе среди крестьянъ и другихъ работъ для двора: хотя и эти работы оплачивались дворомъ (и, вѣроятно, эта оплата считалась нормальною), но такъ какъ выходъ на работу могъ быть и принудительнымъ, то на обязанности суда лежало наблюденіе, чтобы не одни бѣдные крестьяне выходили на господскую работу, но и зажиточные. Значеніе этого постановленія сводится, очевидно, къ тому, чтобы маломочные крестьяне имѣли бы достаточно рабочаго времени на свою собственную работу или для постороннихъ заработковъ, и, слѣдовательно, при добромъ желаніи, могли бы выйти изъ своего захудалаго положенія.

Въ данномъ случаѣ судъ слѣдитъ за выполненіемъ крестьянами ихъ вотчинной повинности.

Наконецъ, онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне выполняли предписанія вотчинника относительно условій пользованія землею, т.-е. чтобы крестьяне самовольно не передавали другъ другу арендуемыхъ ими участковъ въ промежуткахъ пятилѣтнихъ сроковъ аренды, не дѣлились бы и пр.

По отношенію къ сельскому обществу сельскій судъ обладаетъ нѣкоторыми полицейскими функціями, или является отчасти патрономъ его. Такъ, судъ долженъ принимать участіе въ установкѣ цѣнъ на рабочія руки, когда въ село является сторонній наниматель. Судъ наблюдаетъ за способами обработки крестьянами ихъ земли, указывая на возможныя улучшенія. Судъ наблюдаетъ, чтобы младшіе выказывали почтеніе старшимъ.

Судъ несетъ еще и обязанность наблюдать за прививкою оспы и за тѣмъ, чтобы больные были отправляемы въ сельскую больницу. Наконецъ, судъ присутствуетъ при описи имущества малолѣтнихъ сиротъ.

Мы очертили функціи сельскаго суда, какъ онѣ опредѣлены уложеніемъ графа Н. Хрептовича. Уложеніе от-

носится съ большимъ сочувствіемъ къ крестьянамъ, а устанавливаемыя нормы не являются нововведеніемъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуютъ обычно-правовымъ взглядамъ. Этими сторонами уложеніе гр. И. Хрептовича выгодно отличается отъ великорусскихъ, наприм., отъ уложенія гр. П. Румянцова и др., въ которыхъ недовѣріе къ крестьянской средѣ является основной чертой.

Вообще разсмотрѣнная нами законодательная и хозяйственная работа трехъ поколѣній крѣпостныхъ помѣщиковъ представляетъ собою любопытнѣйшую картину изъ исторіи крѣпостного права. Эта реформа началась въ періодъ наивысшаго развитія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Владѣлецъ сразу поставилъ ее, по тогдашнимъ взглядамъ и условіямъ, на здоровую почву. Тогда какъ другія реформы того же времени были, повидимому, эфемерны, въ имѣніяхъ Хрептовичей реформа окрѣпла и принесла результаты, свидѣтельствующіе о превосходствѣ веденія хозяйства съ свободнымъ трудомъ.

За недостаткомъ матеріала мы вообще очень мало знаемъ внутреннюю сторону крѣпостной эпохи. Правильное изученіе ея можетъ пойти вѣрнымъ путемъ только тогда, когда будетъ побольше обслѣдована документальнымъ образомъ исторія отдѣльныхъ имѣній: тогда только передъ нами въ настоящемъ свѣтѣ предстанутъ и ужасы крѣпостной эпохи и немногочисленныя попытки улучшить положеніе крестьянъ. Но для такихъ изслѣдованій необходимо сохраненіе владѣльческихъ экономическихъ архивовъ. Пишущій эти строки знаетъ объ очень и очень многихъ истребленныхъ помѣщичьихъ архивахъ, такъ какъ владѣльцы не придаютъ никакого значенія имъ. Объ этой потерѣ слѣдуетъ весьма пожалѣть. Желательно, чтобы на оставшіеся архивы было обращено вниманіе, пока еще не поздно.

